В.А. Залгаллер
БЫТ ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Моя мать, Татьяна Марковна Шабад-Залгаллер, сохранила переписку нашей семьи в 1941–1945 годах. На письмах стоит штамп о проверке военной цензурой. Иногда цензор вырезал или жирно замазывал тушью отдельную фразу — о голоде в Ленинграде или вшах в окопах. Была и внутренняя цензура: брат и я старались не огорчать мать. В 1972 году, передавая внуку комплект сохраненных писем, я добавил к нему приводимые здесь воспоминания. В них ничто не придумано. Фамилии подлинные. Только характеристики субъективны. Так я видел быт войны. Позже я добавил слова о неутверждении наград по дивизии летом 1942 года и внес мелкие уточнения.

С 80-летнего возраста живу в Израиле (город Реховот).

- Виктор Абрамович Залгаллер
  - ОБ АВТОРЕ
  - Часть 1. В ополчении
  - Часть 2. В обороне
  - Часть 3. В госпитале
  - Часть 4. В наступлении
  - Часть 5. Первые дни среди немцев без боев

Виктор Абрамович Залгаллер

Быт войны

ОБ АВТОРЕ

Поколение автора книги, — те, кому было 18–23 года в 41-м было выбито во время войны почти полностью, на их долю пришлось главные людские военные потери, и эти потери страна чувствует до сих пор. Чудовищная история того, как два тирана, пытаясь обмануть друг друга, изничтожили лучшие молодые силы своих и чужих стран, до сих пор не написана, во всяком случае — в России. И писать ее почти некому. Так называемая военная мемуарная литература советских времен и даже постсоветских времен — неоткровенна, и не только из-за цензурного гнета, она скрывает ту катастрофическую картину войны, особенно ее начала, блокады, плена, тыла, пира победителей и т. п., которую, даже по прошествии 60 лет, не решаются предать гласности большинство из тех, кто прошел эти испытания, знал их, или, тем более, нес хоть какую-нибудь ответственность за происходившее.

Перед читателем книга совсем другого сорта. Она написана предельно откровенно, без претензий на общность: это фактически личный дневник автора. В его рассказах и в рассказах его немногих оставшихся в живых сверстников меня больше всего поражало то, какое чудо было выжить молодым ополченцам, и сколько талантов погибло только из-за того, что власть трусливо бросила их, необученных, невооруженных в самое пекло, чтобы их жизнями заплатить за преступную неготовность страны к войне и за полный провал всего, что эта власть делала со страной.

Виктор Абрамович Залгаллер — человек особый, и книга "Быт войны" — еще одно доказательство этого. Он выразительно пишет о той своей военной жизни, о которой мы знали мало. Пройти страшную войну, вернуться в университет и стать одним из самых ярких математиков Ленинграда — было дано не многим. Его первая научная работа была опубликована еще в 1939 году, а последняя в 2003. Между этими датами было много теоретических и прикладных научных статей и книг. Две книги — совместны со знаменитыми учеными, его учителями — лауреатом Госпремии А. Д. Александровым и Нобелевским лауреатом Л. В. Канторовичем.

До выхода на пенсию в возрасте 79 лет В. А. Залгаллер оставался одним из самых любимых студентами профессоров математико-механического факультета Университета.

Первокурсником я ходил в кружок, который он вел тогда в университете. И тогда я услышал его немного резкий и четкий голос, спокойно и понятно объясняющий и сложные, и простые

вещи. Этот голос я слышу и сейчас, читая его книгу о войне.

Президент Санкт-Петербургского Математического Общества,

профессор Санкт-Петербургского Университета

главный научный сотрудник Математического Института РАН

А. М. Вершик

Часть 1. В ополчении

Примерно в декабре 1940 года по комсомольскому призыву часть студентов Ленинградского университета, математиков и физиков, перешли в Ленинградский авиационный институт, созданный на базе автодорожного.

Из студентов, пришедших с четвертого курса матмеха, составили две группы третьего курса. Учились мы по ускоренной программе.

В январе поженился с сокурсницей Ниной Виноградовой.

Война, несмотря на Испанию, была неожиданностью. В первые дни не знаем, куда себя деть.

На улицах много народа. Задерживают подозрительных.

Веня Железный. До странности тихий. Без родных. Живет в тупичке коридора — в коммунальной квартире за шкафом. Сильный шахматист. Его задержала толпа, как шпиона. При нем оказалось несколько зачетных книжек на разные фамилии. Он прирабатывал сдачей экзаменов за других. Отпустили на следующий день.

В последние дни июня мы с другом Петей Костелянцем идем записываться в артучилище на Литейном. Заполняем документы. Их охотно берут. Четвертого июля, после выступления Сталина, записываются в ополчение. Записываемся и мы. Идти в артучилище мне кажется трусостью. А Костелянец сказал, что воевать надо уметь, и ушел в училище.

Сдали паспорта. Мы — ополченцы. Из авиационного института ушло около 400 человек. Идем строем в штатском. По тротуару идут жены. В строю из газетного кулька ем вкусную свежую сметану. Стоим в школе, левее Средней Рогатки.

Едим в столовой мясокомбината. Вонь мясокомбината стала первым запахом войны. Цветники. Ячневая каша. Из нас формируют артиллерийский полк.

Вечер. Мы лежим с женой в поле, недалеко от школы. Нам по 20 лет.

Отправка на фронт неожиданна. Обучение не состоялось. Выезжаем 13-го июля. Прибыли в Веймарн. Сразу бомбежка. Несмотря на большой грохот, убитых не помню. Из-под одного вагона выкинуло скат. Люди целы. Разгружаем снаряды. Пехотные полки уже раньше ушли в бой.

14 июля. Получили пушки. В батарее три орудия. Дождь. Первая ошибка: ящики снарядов сложили в низинке. Ее залило водой. Вытаскиваем. Назавтра переезд к селу Среднему; его вчера взяли наши стрелковые полки. По дороге встретили обезумевшую

санитарку, она кричит: "Все пропало!"

Первые позиции. Недалеко дурно пахнет. Кружатся мухи. Из земли торчат нос и губы плохо зарытого трупа. И нос и губы черные. Жарко. Обстрел. Что-то прилетело и закачалось на ветке — кусок человеческого кишечника.

Командир ушел на НП. По телефону: "Развернуть батарею. Буссоль 28". Старший на батарее — лейтенант запаса, пожилой рабочий с мясокомбината, — не знает, как это делать. Ребята говорят, что буссоль — это в чехле, вроде домры. Вынимаем — большой компас. Он ввинчивается ножкой в пень. Все три расчета наводятся по своему усмотрению. У нас длинные, в 40 калибров 76-миллиметровые орудия образца 1902/30 года. По длинным стволам видно, что орудия не параллельны. Даем по выстрелу. На НП видят только разрывы моего орудия. (Не зря я любил геометрию). В первый день ведем стрельбу одним орудием. Благодарят.

Обжились. Мы — ЛАНО (Ленинградская Армия Народного Ополчения), полевая почта 145, 2-я СД (иначе 2 ДНО — 2-я "Московская" дивизия народного ополчения), 2-й АП (артиллерийский полк), 1-й дивизион, 2-я батарея. Пишем домой наивные письма. Получаем посылки.

Левее нас в поле стоит батарея кадровиков — 122-мм гаубицы. (Видимо, это был 519-й ГАП). Они в касках, с плащпалатками. Часто и деловито стреляют. Завидуем им. Но иногда стреляем и мы. Я из заряжающего стал наводчиком. Благодарят за стрельбу по позициям у села Ивановское на реке Луга.

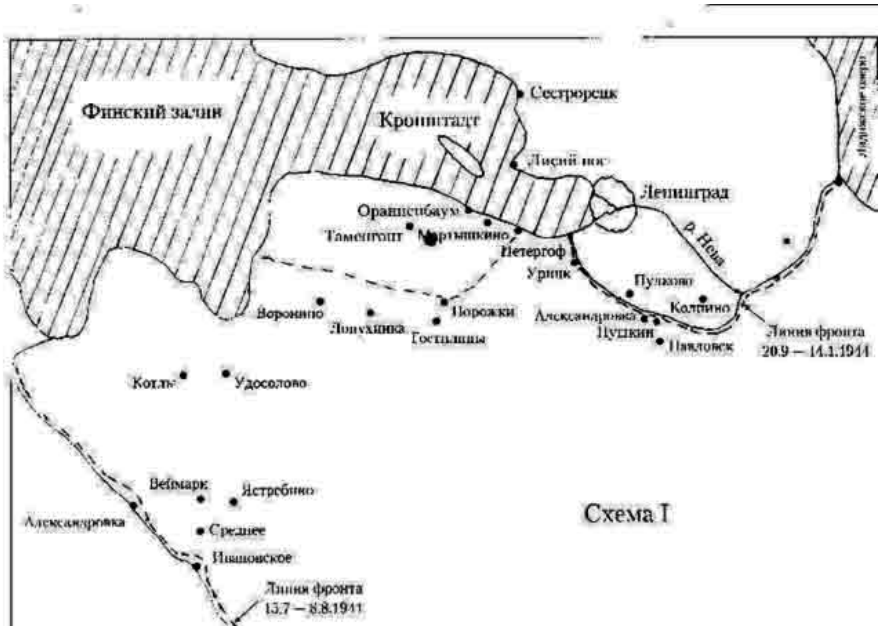
У артполка свои герои — политрук Бархатов из прибывшей раньше нас гаубичной батареи. Они сразу подбили танкетку. (Стояли, говорят, во ржи. Танк на них вышел. Навелись через ствол.)

В пехоте много потерь при неудачных попытках наступать.

Саша Соколин. Студент нашей группы, мой друг. Хорошо стрелял, прирабатывал служащим в тире. Пулеметчик во 2 СП. Приехал в Веймарн за день до меня. Много раз ходил в бой под Юрками. Был в разведке — немцы ходят по Ивановскому, как дома, ловят кур.

Как узнал позже, ему 4 августа вырвало кусок ягодицы. Госпиталь, демобилизация. Приходил ко мне в часть 3 ноября. Отказался взять конину. Потом, в голод, она ему снилась. Уехал в Казань. Погрузился в засасывающую борьбу за существование — обмен сухарей, водки, изготовление босоножек, погрузки за еду. В авиационном в Казани не доучился. Кончил университет, как и я, в 1948 году. Прикрывающийся цинизмом, ранимый книжник.

Фронт стоит по реке Луге (см. рис. 1). В Ивановском у немцев плацдарм на нашем берегу. Дивизия много раз пытается брать Ивановское. Без успеха.



Приезжал 16 июля Ворошилов. Хвалил нашу дивизию. Но кричал, говорят, на командира дивизии. Видимо, кричал за невзятие Ивановского, но солдаты говорят, что за то, что людей неумно подымали издалека в атаку.

Семен Итенберг. Стройный гимнаст. (В феврале 1942 забежал к нему домой на Московский проспект. У него родился сын.) В 1967 году этот Володя закончил математическую аспирантуру. В память блокады сын остался низкорослым. Семен около 4 августа надорвался при перекатке орудия и уехал в тыл.

Это было 8 августа 1941 года. Основные силы немцев двинулись чуть левее нас на Ленинград. Кадровики уехали влево.

Ночь. Стою в лесу на посту впереди батареи. Рядом разбитый грузовик с печеным пахучим хлебом. Появляется усталый пехотинец. "Один уцелевший от роты". Вышел на запах хлеба. Ест. И так за ночь раз двадцать. Почти все из одной роты, и каждый — "один уцелевший". Воспоминание об этом помогало потом не поддаваться панике.

Днем 9 августа немцы вышли на батарею. Связь с НП давно оборвана. Из леса рядом в нас стреляют из автоматов. Иногда — мелкими минами. Приказ уходить.

Пошедшие в ров убиты огнем вдоль рва. Среднее орудие не может выехать, мешают свои же окопы. Ближнее к дороге уже

брошено. Я бегу к пожилому трактористу: "Не уезжайте. Там ребята. Они пушку не бросят". Он соглашается попробовать вывезти пушку. Я пячусь спиной к немцам и, расставив руки, показываю трактористу, где объезжать пни. Автоматные очереди осыпают на нас листья мелких деревьев, ломаемых трактором. Орудие прицепляем на разворачивающийся трактор. Из боя вышла одна моя пушка. Я стал командир орудия.

Отошли на Мануйлово. Дорогу прикрывает наш танк КВ. Комсорг батареи уговорил танкистов съездить на нашу позицию. Говорят, пушки лежали с перерубленными спицами колес.

Парень — молодой пожарник, проверявший пропуска в нашем институте, пришел лесом с НП из-под Ивановского. По дороге двое немцев вели пленного. Он их убил, пленного освободил.

Ночью все шоферы батареи легли в одном сарае. Прямо в этот сарай попал снаряд. Все они убиты.

Борис Швадченко. Высокий, смуглый — студент Автодорожного, говорит: "Я могу повести трактор. Только для запуска нужен бензин в карбюратор". В сотне метров разбитый грузовик. Носим бензин во рту. Трактор заводится. Гордо идем при орудии.

Позже Швадченко объявил себя старшиной, был связистом, разведчиком-наблюдателем. Потом — надел лейтенантские кубари. Он сделал много хорошего в боях. Говорили, что он нелепо погиб в блокаду: был направлен в город офицером связи при штабе, пошел в театр, и его убило из пистолета, уроненного на пол соседом в театре.

На привале какой-то идиот, чистя винтовку, убил через кусты нашего командира батареи Ткаченко.

Незнакомый солдат покончил с собой. Винтовка во рту. Сапог снят. Записка жене: "Ты сама, стерва, этого хотела".

Красков. Рабочий, наводчик с артиллерийского полигона. Стрелял все мирное время. Заевший колпачок взрывателя отвинчивает косыми ударами топора. Когда снаряд заклинило в орудии — вставил в ствол снятую катушку щетки для чистки орудия, вслед ей сунул жердь от забора и обухом выбил снаряд. Собственно, после общения с ним мы стали настоящими артиллеристами. Он погиб, когда разбило пушку у деревни Удосолово.

Деревня Ястребино. Примерно 13 августа. Войска наши ушли. Нашу одинокую дальнобойную пушку оставили расстрелять склад невывезенных снарядов. Бьем по далеким деревням, опушкам, занятым немцами. Мучит мысль — кто там? Ствол раскален. Растет гора пустых ящиков. Есть редкие осечки. Их кладем

невдалеке за камень.

Отходим уже за Вейнмарскую ж/д.

Мы — кочующее орудие. Изображаем обилие артиллерии. Днем намечаем позиции. Ночью, чтобы не шуметь, вместо трактора — лошадь с телегой, за ней — пушка.

Взводим курки карабинов. Проверяем, что очередная позиция в лесу не занята немцами. Возвращаемся. Катим пушку "на руках", точнее — плечами под спицы. Карабины за спиной. В тесноте нажимаю прикладом на курок соседу. Выстрел вверх, в сантиметре от моего уха. Из него льется кровь. С тех пор я практически оглох на это ухо.

За ночь отстреливаем четыре лесных позиции. Бьем по намеченным разведкой местам.

Сцена: нас человек восемь. Легли кружком на лугу. Каждый другому головой на колени. Артналет. У одного на коленях пробитая голова товарища. Хороним без холмика. Не хочется показывать немцам могилы.

Борис Пластинин. Из города Шенкурска еще один студент автодорожного. Классный лыжник. Его стройное телосложение и гитара были тогда редкостью. В селе Среднем он пел в землянке старые романсы.

Отходим из леса. Слова "Бориса ранило" заставили нас вернуться в оставленный лес. И мы снова отходим, неся Бориса на носилках. В рану видно, как бьется сердце. Прикрываем ватой.

У носилок нас трое. Уже открытые поля. Ни души. Зной. Двое несут, один отдыхает, меняемся. Трижды заходит немецкий самолет, стараясь расстрелять на солнечной дороге длинную тень носилок.

"Вам трудно нести. Я спою". И он поет: "Руки, две больших и теплых птицы, как вы летали, как озаряли все вокруг…" Голос пропадает, когда он теряет сознание, и появляется снова… "Руки, как вы легко могли обвиться…"

Дорога уходит за спину, на Ленинград. Вправо видны дали. На горизонте Котлы. Нас посылают вправо на противотанковый заслон. По основному шоссе отошли наши части. Тишина "ничейной полосы", так хорошо снятая потом в начале фильма "Живые и мертвые".

Прибегает связной: нам приказ — отходить. Но… Сломался трактор. Больше километра тянем по булыжной дороге в пологий подъем пушку на руках. Она тяжелая: примерно 1400 кг. Хилый боец попадает под колесо. Перелом ноги. Уходит с провожатым. Стоим. От Котлов идет наш танк. Запыхавшийся танкист: "Немцы рядом. Перекроют перекресток…" Люк хлопает, и танк поспешно гремит дальше.

Идет второй танк. Останавливается. Широкая улыбка водителя. Возимся, устраивая буксир из огромной танковой цепи. Пробуем. Сошник орудия пашет дорогу. Отцепляем: этак разобьем пушку. "Ребята, а не ваш там трактор чинится? Я ему помогал. Он заведется". Остаемся, катим по шажку руками.

Бык, бык, бык… идет наш трактор. Тишина вокруг и далекое, уже низкое солнце за Котлами.

Чистим орудие. Оно на позиции перед одиноким гумном недалеко от деревни Удосолово. За гумном трактор. Нас трое. Иду к трактору смочить тряпки керосином. Взрыв — снаряд прилетел прямо на позицию. Один убит (Красков), второй успел кинуться в ровик, но зад и спина, как метлой, процарапаны десятками осколков. Пушка разбита. На металле ствола, неожиданно для глаз, как пальцем по маслу, мазанул один из осколков.

Кончилась первая моя батарея.

Идем голодные. В пустом хуторе ульи. Надели противогазы, носки на руки, полотенца на шеи, накрыли два улья плащ-палатками и утопили в реке. Без хлеба по полкотелка меда. Мутит, отравились.

Нас посылают вытаскивать завязший на болотной дороге обоз дивизии — ее автороту со складом.

Капитан Тер-Мкртчан. Преподаватель нашего института. Начальник обоза. Колеса машин глубоко увязли в торфе. Облепляем очередной грузовик, приседаем по грудь в жижу, переставляем вперед на шаг. Машин много.

Машины с продуктами. Просим поесть. Не дает. Борис Швадченко отходит в лес и дает поверху очередь из трофейного автомата. А мы говорим, что должны уходить. Проняло Тер-Мкртчана. Каждому выдал по банке сгущенки, шпрот и на всех — ящик макарон и масло. Интеллигенты вообще легче верят вранью.

Пришел тягач "Ворошиловец". Толстыми тросами вяжут машины. Раздвигая волны торфа, он пачками выводит их на дорогу.

Немцы заняли деревню на перекрестке дорог. Мы уже за нею. И вдруг трескотня выстрелов, грохот. Через занятую немцами деревню пронеслась запряженная цугом из четырех пар белых лошадей связка зарядных ящиков и орудий с облепившими их людьми. Все это вылетело на нас. Одна лошадь мертвая тащится в постромках. Это вышла из леса отрезанная немцами батарея нашего артполка.

Мы снова батарея. Кажется, 3-я, но номера менялись еще раз. Три коротких 76-мм "полковушки" и полуторки. Правда, грузовики всегда куда-то забирают.

Абрам Копелев. Сутулый студент с длинными руками. Гориллообразный и очень сильный. На голодную батарею принес за версту большой фанерный ящик вареных макарон. Ему поставили ящик на спину, так и шел, отдыхая грудью на высоких пнях.

Мы меняем позиции. Налетели штурмовики. Мы выпрыгнули из машины. Легли в тень от плетня, пней. Это было удачно. Отходившие по дороге саперы легли в канаву у обочины, были хорошо видны и понесли потери.

Машина начала гореть, дым идет за кабиной из-под снарядных ящиков. Копелев лезет в кузов и подает нам ящики. Последние, уже горящие, кидает в канаву. Несколько гильз тут же лопается. Но взрыва нет. Все погасили. Машина с орудием отъезжает на простреленных скатах.

Копелева наградили поездкой в Ленинград. Потом попал в артмастерские, где на харчах второго эшелона умер от голода.

В батарее дельный командир Цирлин. С ним бои были удачнее. Помню одну из позиций. За спускающимся вниз лесом видна на бугре деревня, поля. Немцы атакуют ее слева. Видны цепи, перебегающие по команде, как в кино. Бьем по ним. Разбиваем еще появившийся вслед за ними автофургон.

Снова противотанковая позиция. Совсем маленькая поляна, дорога справа. Две пушки. Один грузовик. Слева лесом отошла наша пехота. И опять из леса бьют автоматы, а слева — даже кинули пару гранат с длинными ручками.

Но мы уже не те, что в селе Среднем. Опустив стволы, веером прочесываем лес картечью. Когда стреляешь из пушки, рот открыт, челюсть выставлена вперед. Так легче ушам. Разрыв ручной гранаты швырнул мне в рот камешек. Я выплюнул его с куском отбитого его ударом зуба. (Во время одного из выстрелов, когда я уже дернул шнур, выбежал из леса наш боец… и разлетелся в клочья. Но и немцев не стало). В наступившей тишине цепляем оба орудия к одной машине, наваливаются раненые. Машина уходит.

На лесной дороге впереди едет танк. Наш шофер гудит. Танк принимает вправо. Обгоняем. Танк оказывается немецким. Пока он заряжался и сделал выстрел, мы ушли за поворот.

Через наши позиции отходят из Эстонии части 8-й армии. В их рядах эстонские коммунисты, с оружием, но в штатском. Запомнился разговор эстонца у костра: "Коммунизм еще будет. Только без коммунальных квартир. В этом вы ошибаетесь".

4 сентября 1941 г. Мой самый неудачный бой. Батарея снова переформирована. У нас новый комбат. Много незнакомых. У моей пушки неисправность. Рано утром отвезли ее далеко в тыл,

в ремонт.

Приехали на батарею в село Воронино. Старший докладывает приехавшему с нами комбату: "Проезжал генерал. Удивился, что здесь батарея. Сказал, что участок освобождается от наших войск". Комбат заорал: "Трусы! Надо встретиться с врагом лицом к лицу!"

Рядом в старом каменном доме недавно была наша почта. Обрывки посылок. Смешно: среди обрывков — обшивка от посылки на мое имя.

Убили козу, сжарили, едим. Вдруг — крик: "В ружье!" Пробую доесть. Комбат толкает мой котелок прикладом. (А что мне делать? Я без пушки.) Прячу в сумку от противогаза хлеб и прыгаю в окно.

Вот наше расположение (см. рис. 2).

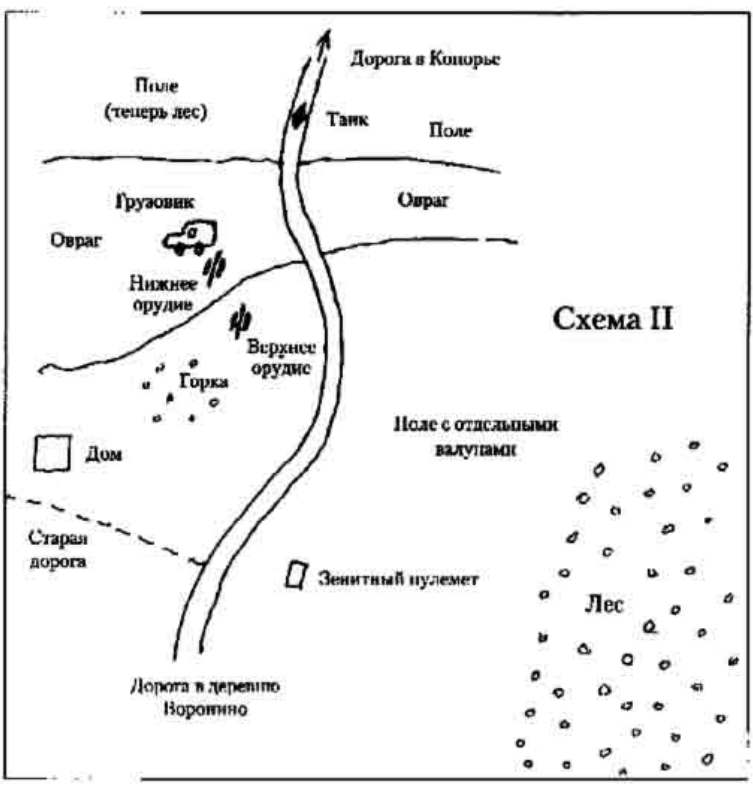


Схема II

Против батареи, на подъеме за овражком подъехал и стоит танк. Черный на фоне уже низкого солнца. Разведчика Магомеда

Зульпукарова послали влево, узнать, что за люди. Уходит.

Танк медленно едет на нас. И стреляет трассирующими на запад, т. е. от нас. Потом вдруг разворачивает башню и в упор разбивает первым снарядом нижнее орудие, вторым — грузовик. В грузовике горит раненый шофер, снаряды. От верхней пушки танк уже не виден, он в овраге. Кидаюсь к этой пушке. Вместе с их расчетом стреляю над танком, держим его в овраге.

Комбата ранило осколком в рот. (Поделом дураку. Нет разведки. Нет связи. Машина впереди позиции. Осел.) Комбата увели в тыл.

Прибежал Магомед, сообщил, что слева 50 немецких автоматчиков прошли в обход нас. Сейчас они уже сзади в деревне. В спешке заряжающие не обтирали снаряды. Снаряд заело в пушке. Ни вынуть, ни закрыть замок. Отход.

Давит нелепость этого боя. Трибунал нам будет. Снимаю с орудия (для оправдания) стреляющий механизм. Кладу в сумку с хлебом. Отходим в поле, лежим за камнями. Обсуждаем, не пойти ли за пушкой и выкатить ее. Но тут танк обошел горку. Стал между нами и горкой.

На поле остатки лагеря местных зенитчиков. О них просто забыли. Их мало. В открытом поле стоит грузовик с высоким счетверенным зенитным пулеметом. Танк его расстреливает.

На горке нагло появились два немца с небольшим минометом, пробуют стрелять в нас. Но мы пристреливаем их залпом из карабинов. Это организовал Швадченко.

Перебежками уходим в лес. Собралось много людей, человек 70. Наши и зенитчики. Идем гуськом… Мне кажется странным направление. (Утром я ездил в тылы.) Кричу: "Передай по цепи стой". Иду вперед. Ведущий — лейтенант. Спрашиваю: "Куда идем?" И он… заплакал. (В 1943 году я притянул связь на чужой НП. Там сидел этот, уже старший лейтенант со свежим орденом. Он узнал меня и отвел глаза, пока я не ушел).

С этой минуты я стал во главе колонны. Идем. Лес понижается. Стало совсем мокро. Один из зенитчиков сказал: "Чего за ним идти, за жидом". "Как хотите. Я иду туда". Слышу, постояли, но потом пошли за мной. Появились кошеные поляны. Ориентируясь по начесу сена на кустах, отмечаю, в какую сторону его возили. К деревне подошли уже затемно. Слышны обозы. Все остаются. Трое идем разведать. Брякает котелок, бьется сердце. Слышим: "Куда ты прешь? Мать твою…" — Блаженство.

В первых же избах спим как мертвые.

Утром узнаем, что штаб полка был в Лопухинке. Идем туда, но, наученные прорывами немцев к перекресткам, саму Лопухинку сначала обходим слева. И не зря.

5 сентября. Капитан А.Гусев. Комиссар нашего артполка. Прежде футбольный судья, работник городского комитета физкультуры. Едет в эмке. С ним шофер и начальник политотдела дивизии подполковник Тихонов. Спрашиваем у них дорогу. Они посылают нас в тыл, а сами едут в Лопухинку…

Автоматные очереди… Канавой, пригнувшись, легко бежит Гусев, на руке — шинель спутника, тот бежит сзади. Шофер убит. В Лопухинке были немцы.

В свой полк пришли уже в районе Гостилиц. Нас успели снять с довольствия. Направляют на переформирование.

10 сентября 1941 г. Лейтенант Куклин. Крупный, с приподнятыми плечами, большим улыбающимся лицом и чуть оттопыренными ушами. Набирает связистов:

— Ты кто?

— Был сигнальщиком.

— Ты кто?

— Ездил верхом.

— Ты кто?

— Повар.

— Ты кто?

— Студент (это я).

— Ты кто?..

— Кто хочет в связь — шаг вперед.

Я считаю, что связи не знаю. Стою. Но людей не хватает.

— Ты, черненький, идем тоже.

Так я стал связистом на всю остальную часть войны.

Через два дня именно мне пришлось преподавать всей этой группе устройство телефона, зуммера, коммутатора. Через три дня получили пяток телефонов и километр провода. Через неделю наворовали десяток телефонов и катушек двадцать провода. Мы — взвод связи в штабной батарее начальника артиллерии дивизии.

Немцы прорываются к Стрельне. Наша дивизия, если считать, что она пятится спиной к заливу, уходит левее. К Санино, а штаб — в Луизино.

В деревню Луизино, где штаб, вошли немецкие танки. С крыльца пытаюсь мотать связь, выхожу из калитки пересечь дорогу. Справа, в десяти шагах стоит немецкий танк. Стреляет в меня пушечкой. Разрыв в паре метров передо мной, все осколки уходят влево, провод обрублен, и я свободен. Бросаюсь, пока он заряжается, вперед, через дорогу и перебежками ухожу влево.

Потом — поля аэродрома и, неожиданно близко, входим в Петергоф. Мирные улицы, гуляющие дети, ларьки с газированной водой. Нелепость! Нет даже тревоги. Между вошедшими

солдатами шепоток: "Велено без паники, сбор у Царских Конюшен".

Нас кормят горячим в обстановке какой-то столовой военучилища. Это было в районе 18–20 сентября.

У меня осталось, может быть кажущееся, ощущение, что еще день в самом Петергофе не было боев. Все бои за Петергоф были уже потом.

Назавтра мы в Мартышкино. Дачный лесок, на пути к передовой деревня Лисицино. Домик пробивается осколками на уровне окон, а мы спим на полу.

По существу — почти рядом залив. Подумал: "Если еще отступать, поплыву с бревном на Кронштадт".

Больше мы уже ни разу за всю войну не отступали. Потом я прикинул: до этого наша дивизия отдавала в среднем чуть больше, чем по 2 километра в день.

А тогда фронт встал на нашем участке по линии Порожки — Мишелево Горлово. Образовался Ораниенбаумский плацдарм.

Немцы бомбят Кронштадт. Густой зенитный огонь держит их самолеты очень высоко. Разговариваем о цене одного выстрела.

С залива видно зарево над Ленинградом. Кажется, еще горели Бадаевские склады.

23 сентября. Мы стали кадровиками. Уже не 2 ДНО, а 85 СД; не 1, 2, 3 стрелковые полки, а 59, 103, 141 СП; не 2 АП, а 167 АП.

На нашем участке все стабилизируется. Очень много артиллерии. Своя, приданная, отдельных дивизионов, форты, суда, два бронепоезда: Кропычева и Стукалова, еще какие-то канонерки (баржи с песком и артиллерийской батареей).

Чуть южнее деревни Лисицино над лесом торчит триангуляционная вышка, по карте 33,3. на ней наше НП начартовских наблюдателей. Наши телефонисты сидят во всех приданных артчастях. Моряки притянули связь к нам. При надобности можно сразу поднять на воздух целые участки. Впечатление, что фронт заперт почти без пехоты.

Особенно точно стреляют бронепоезда. Раз мы передали, что к нанесенному на карте колодцу немцы привели поить лошадей. И первый же снаряд прямо в колодец!

Дежурить на вышке трудно. Обстреливают шрапнелью. В сумерках обвязываем вышку еловыми ветками. На высоте, в темноте, обхватывая мокрые бревна, в армейской обуви. Один солдат (Крылов) срывается. Тело бьется о перекладины. "Много пены у рта, кончится".

Идут дни, обвыклись. Вблизи есть подземные хранилища спирта для торпед и подлодок. Спирт во всех канистрах. Рыгается бензином.

На поляне по пути к вышке и возле нее много погибших. Одна нога вышки перебита. Я лежу наверху и вижу, как внизу, не хромая, пробежал три шага и упал наш боец с отбитой разрывом пяткой. Только потом он рухнул.

Майор Афанасьев. Наш первый начарт. Один из принесших в дивизию профессионализм. Высокий, худой, белый. Выпивши, радостно пляшет под обстрелом на горбатом мосту через ж/д в Мартышкино, ликуя, что немцы стреляют плохо, хуже нас.

Мы здорово натренировались бегать среди разрывов. Кажется, знаешь, куда идет следующий снаряд.

Связь держим большую и быстро чиним. Сложился коллектив. Помню самых смелых: Тихонова, Мурашевского, Берковича…

Тянем длинную линию западнее, к пехотным полкам. Линия идет лесом, залитым водой. На промежуточной спим в лесу на высоких штабелях дров.

Заболел зуб. Иду к врачу. Тылы, тихая деревня. Это был Таменгонт, где штаб армии. Привычно ложусь на снарядный свист. Разрыв. Девочке оторвало ногу. Помогаю наложить жгут.

Докторша, держась за клещи, мотает мне голову. Все не может вырвать зуб. Боли не чувствую — шок из-за раненой девочки.

Конец октября. Срочно ночью сматываем линию. Концевые станции уже ушли. Темно, шевелю пальцами пред носом — не видно. Иду, наматывая провод. Падаю метров с двух в речушку. Тихо. Отход общий. Неужели опять отступление?

Рассвет. Навстречу идут моряки. На спине плита от миномета, на плече минометная труба и еще на каждом плече по две мины, связанные за хвосты. И винтовка. Иной еще волочит "Максим". Они принимают позиции нашей дивизии.

А мы идем в Ораниенбаум. Там, примерно 30 октября, грузимся в суда.

Ночь в набитом трюме. Каждому — банка трески в масле. Слышен плеск воды. Тихо, без выстрелов.

Мы в Ленинграде. Узнаю, куда идем. Первый же прохожий берется отнести письмо жене.

Пост Фарфоровский. Соседи дают нам комнату, жена остается на ночь со 2 на 3 ноября.

Часть 2. В обороне

3 ноября 1941 года. Уходим с поста Фарфоровский под Колпино на Красный Кирпичик. По дороге, в селе Рыбацком, на ходу выменял за хлеб жестяную буржуйку. Волоку ее 20 верст поверх вещмешка. Гражданские уже ценят еду, а мы уже ценим тепло.

Землянки роем в буграх глиняных отвалов. На узле связи печка, а в штабе — нет. Приказано отдать. Отказываюсь. (Хочется вынести ее и взорвать гранатой, обидно.) Присылают забрать печку. Меня "арестовывают", приводят в штаб. Старший лейтенант Удалов, ПНШ — I артиллерии, улыбаясь глазами, сурово говорит: "Будешь сидеть со мной под арестом" (у печки). И показывает схемы, которые чертит на морозе.

Середина декабря. Мы в подвалах недостроенного здания Спиртострой. У Невы. До села Ивановского и Отрадного, что за речкой Тосно, где немцы, около 3 километров голых торфяных полей. День за днем по корпусу бьют снаряды. А за домом — машины, кухни, рации, — почти мирная обстановка.

В ночь прибытия на эту позицию тяну линию в темноте. Место еще незнакомое. Споткнулся о мягкое. Ощупываю — труп. Сразу успокоился. Отдыхаю рядом. Интересно, спятил я, если меня успокаивает встреча с трупом ночью? Во всяком случае, я уже совсем другой.

Из — за опоздания батальона связи всю связь проложили мы вдвоем с Тихоновым. Нам объявлена благодарность по дивизии.

Как — то в лунную ночь оправлялся за бугром. "Фью, фью…" Странно, в холод поют птицы. Снова "Фью, фью…" и очередная пуля срезает перед моим лицом веточку. Целятся издали. Меняю позицию.

Говорят, в Понтонной выстраивали старшин и поваров. Перед строем расстреляли двух. Один взломал каптерку и украл два кирпичика хлеба, другой — спекулировал едой со склада.

Начинается голод.

В ноябре — декабре многократные попытки прорыва. Но делалось это не так, как потом, в 43 г. На ура пробовали мелкими ночными штурмовыми группами. Тают все новые маршевые батальоны пополнений.

Ночью на линии обкладывался мерзлыми трупами от обстрела.

Трудно втыкать заземление, стараюсь проверять линию у разбитого танка. Иногда, чтобы воткнуть шомпол заземления, мочусь на лед.

Всю войну на узле начарта оставался позывной "Стержень". Говорили "Пошел на Стержень", даже в других частях.

Прибыл новый начарт полковник Бруссер. Пожилой бритоголовый профессор артиллерист. Когда я зашел проверить телефон, он лежал с ишиасом. Угостил меня шпротой.

В 1947/48 гг. я видел его портрет на выставке в галерее генералов Ленфронта (убрали ее после осуждения Попкова). А в 60-е годы встретил в газете извещение о смерти генерал-майора Бруссера, он после 85 СД был начальником штаба артиллерии Ленфронта. Видел его могилу на Серафимовском кладбище.

Вот тоже воспоминания со Спиртостроя. Убил я собаку, сварили. Угостили Куклина, соврав, что баранина. Он рассердился ("А вы подумали, что она-то трупы ела?"), послал нас к врачу. Врач сказал: "Собачьим салом мы лечим чахоточных. Но что подумают гражданские, если армия начнет есть собак?" Было стыдно. Я, честно говоря, ел из любопытства.

Помогал гражданским вырыть труп зарытой осенью лошади. Жутко от вони. А они что-то унесли, варить студень.

И еще: раз к костру пришел греться незнакомый солдат. Сказал: "В бою заблудились — лейтенант глупый был; пришлось его пристрелить, вот его валенки". Но, думаю, он просто врал, чтобы пустили погреться.

А вот правда. По пустому шоссе Ленинград — Понтонная несем для телефонов и раций батареи. Нас трое. Куклин, наш комвзвода, самый крупный. Взял вещмешок тяжелых "кирпичей" — батарей БАС для рации. Ночь, гололед, ветер. Куклин стоит на шоссе на коленях — поскользнулся, и нет сил ни встать, ни сбросить мешок. А у нас нет сил его поднять. Так отдыхаем. Потом он встает.

Мне до сих пор кажется, что слова песни: "Темная ночь, только пули свистят по степи…" — рассказывают о том, что я слышал тогда на этой дороге.

Стало веселее от победы под Москвой.

Голодно. Но армию кормят. Откладываю еду снести жене. Им много хуже. С 3 января нам повысили паек.

6-7 февраля. Дивизию отводят в резерв. Предстоит пройти пешком маршрут Спиртострой — Рыбацкое — Мясокомбинат. Лошадей, во всяком случае ходячих, нет. Каждому — волокуша или санки с грузом в несколько пудов (провода, телефоны, свои вещи). Идем разрозненно, каждый в своем темпе. Я съел из запасов ложечку масла и кусок сахара и потому — бодрее других.

Отдыхаю у какой-то пожарной части. Плита, женщина жарит котлеты. Несколько человек едят. Греюсь. Спрашиваю, откуда мясо? "Пойдем". За углом свежий разрыв снаряда, рядом —

убитый разрывом. Из бедра вырезана полоса мяса. "Наш же товарищ".

Иду дальше. Переезд в Шушарах. Отдыхаю. Из-за насыпи показывается голова Васи Горохова, нашего телефониста, но сани стаскивают его назад. Он появляется снова. Приходим с ним одними из первых, это позволяет согреться.

Круг замкнулся, мы снова у Мясокомбината.

Еще из рассказанного мне. На Понтонной — Саперной или на Красном Кирпичнике в одном из домов, где стояли военные, вдруг — вонь. В подполье умер от голода сын, которого мать прятала от мобилизации.

Мое письмо о походе в город 15 (или 14-го) февраля 1942 г. даже мне тяжело читать — писал слишком усталый, и злой от ужаса, что жену увидел по существу невменяемой.

Что еще помню об этом дне? Имел я задание попытаться получить товарища из госпиталя обратно в нашу часть.

На 10-й Советской соседка, бывшая моя няня Дуня, страшная, но живая! Дал ей ломоть хлеба.

На ул. Жуковского, куда ходил за товарищем, — ледяные потеки помоев на лестнице. Открытые квартиры, темный коридор, старик со свечей, мать товарища, сидящая около покойника. Это умер его старший брат. Дал и ей кусок хлеба.

От госпиталя, что был в здании гостиницы в начале улицы Восстания, шел по Невскому. Днем часа в два помочился на Аничковом мосту. На Невском — ни души.

Отнес пакет в порт, жене Лисиненкова, оттуда — к Нине на Нарвский проспект повез саночки дров. Надя Лисиненкова мне помогала. Убило меня то, что моя жена ела принесенную мною еду, прячась от собственной матери. Тусклый взгляд. Прямые пряди волос. Вши. Я ушел раньше назначенного.

Отсюда — злость в письме. Убит мой двоюродный брат Вилли Залгаллер. Он был певцом в джазе. Я был далек с ним, редко виделся. И огрызнулся в письме. А он погиб, возвращаясь из разведки, не увидев свою новорожденную дочь Олю. Теперь я ее иногда вижу. Огрызнулся я в письме и на брата Люсю, не стоя сам его.

Николай Тихонов. Маленького роста, пропорциональный, весь, как из железа. Монтажник-высотник. Дикий ругатель. В армию пришел из-под ареста: говорит, что сбросил сверху балку на директора завода, сделавшего ему замечание (о ругани).

Первое знакомство; на приказ идти ему и мне ответил: "С жидом не пойду". Потом был моим лучшим другом. "Виктор, этого засранца мы с собой не возьмем".

Вместе с ним мы стали сержантами. Вместе подали в партию

в день, когда немцы взяли Тихвин. Рекомендацию нам давал Куклин.

Сходил и Тихонов в город. Говорит: "Жена скурвилась. Официанткой в Смольном была. Сытее других. Завела лейтенанта. Я, говорит, ей рожу набил, посуду, шкаф — побил, одежду порезал. Будет знать. А детей увел к тетке".

Саша Лисененков. Всегда молчал. Ходил в наглухо застегнутом кителе. В университете учил, кроме математики, агрономию и медицину: хотел стать сельским учителем. Жил с женой в порту. Были куры, это спасло их новорожденную дочку. Но при выезде через Ладогу жена замерзла насмерть. Ребенка сняли живого. Саша потом замкнулся еще больше. При снятии блокады комдив не отпускал его от себя, он был очень хороший радист.

После войны был математиком-геофизиком в Башкирии.

Женька Левин. Родился у моей двоюродной сестры Лиды в блокадном январе 1942 года. Прихожу в марте. В комнате 8 градусов. Лежит в вате. Синий. Для него выдают немножко молочка! А дома — жуют ему пшенку. Говорю: "Не мучься. Дай ему умереть". "Что ты. От него легче". Выжил Женька. Сейчас инженер. А тогда отнес я им капустные листья из-под снега с прифронтовых огородов.

От Невы (устье реки Тосно — Колпино — Пушкин) — полоса 55-й армии. От Пушкина (Пулково — Урицк — Залив) — полоса 42-й армии. Дивизию не раз перебрасывают из одной армии в другую.

За Пулковым, чуть влево, наш клин в позиции немцев — место деревни Коколево. После зимних боев вытаивают трупы. Слетается воронье. Зовут "Коколевская посадочная площадка". Трупы с нейтралки вытаскивают "кошками" якорями на веревках.

На участке за Пулково наши солдаты сумели спустить талые воды в окопы противника.

Хоронили убитых в заднем склоне горы.

В теперешнем парке Победы, за станцией метро, был небольшой кирпичный заводик. В его печах жгли в блокаду трупы.

Мы на отдыхе. Одна из моих линий идет с Мясокомбината на Пулково. Остальные местные.

Вася Горохов. Телефонист. Раньше — обмотчик с Электросилы. Старше нас. Спокойный. Сидим с ним на Пулковской горе, землянка слева у середины прямого подъема на гору. Виден его родной район, дом. За блокаду он похоронил нескольких членов семьи. Он поранил руку. Врач спросил: "Вы не самострел?" Он пнул врача и ушел без перевязки.

Уже в 1951 году я его встретил на Электросиле. Усатый мушкетер, руки в масле. В обед играли с ним в домино. Ну, как, — говорю, — жизнь? Ничего, говорит, — да знаешь, тут на Сталинскую премию выдвигали за Днепрогэс. Надо было рабочего включить. Вписали меня, мол, дважды днепровские генераторы монтировал. Да в цеху о квартальных премиях приказ повесили, глупый. Я его сорвал. Так меня оттуда и вычеркнули.

Исаак Беркович. О нем в письме от 26.04.42. Сейчас он научный сотрудник Радиевого института Академии наук. А в войну ушел от нас в училище, был офицером, воевал до конца.

Были у нас и плохие люди. Вот примеры.

Паничев. Возил по точкам еду. Когда на Понтонной пошли в баню — все скелеты, а он — гладкий. Кидали в него шайки.

Припечко. Инженер-геолог. Молчит, не контактен. Все валится из рук. Шея расчесана от грязи и вшей, забинтована. Только в 1969 г., когда он пришел посоветоваться об "изобретении", я понял, что это просто клинический душевнобольной.

Балашко. Старый. На носу всегда капля. Пил соленую воду и один из всего взвода опухал. После войны работал тюремным надзирателем.

Хорошим — волевым и умным был новый начарт Березуцкий.

Когда стояли на отдыхе на Московском проспекте, был все же НП (наблюдательный пункт) на Авторемонтном заводе. Там была библиотека. Я прочел там всего "Жан-Кристофа", а в часть принес Грина. Ночью, соединив массу линий, читал в телефон "Алые паруса". Слушали, затаив дыхание.

Не знал я тогда, что 26 июня под Мясным Бором в окружении погиб мой брат Люся (Леонид). Позже полагал, что на вид бессмысленная Старопановская операция была для отвлечения вражеских сил от гибнущих под Мясным Бором. Но нет — это было для отвлечения их сил от готовящейся Синявинской операции.

Вдруг тянем линию от района Дворца Советов за Варшавскую дорогу, на Дачное и далее — по Балтийской ветке.

Временное КП начарта в насыпи. Где теперь станция Ульянка, чуть вперед. Слева от нее — траншея к передовой. Потом — поперечный овраг. В нем пехота. На нашей стороне оврага артиллерийский НП. За оврагом — поле, за ним деревня Старо-Паново, там немцы.

20 июля 1942 г. Бой за Старо-Паново. Наладили линию на НП. В исходной землянке начарта (землянок две) тесно. Лежу на полу, под столом с телефоном и с рацией танкистов.

Только час, как на линии уже погиб один из связистов.

Линию я восстановил. Сейчас на ней двое из моего отделения. Рядом с ними порвал гусеницу на своей мине наш танк. Он на виду у противника. По нему стреляют, а танкисты под обстрелом чинятся. Связисты-новички, не перешли вдоль провода. Прямо к ним в окоп угодил снаряд. (А танкисты — починились.) Нет связи. Прибегаю. Оба убиты. Снимаю сапоги, ставлю в головах. Линию починил.

Задумался: что я помню об убитых? Первый — бывший писарь снабжения, в голодную зиму писал себе лишний паек. Получил за это срок с отправкой на передовую, попал к нам. Трусил. Помню — идем с ним и Колькой Тихоновым проложить провод вдоль немецких окопов (для пробного подслушивания). Писарь волочится сзади, метрах в 50. Вышли на нейтралку. Колька ему: "Поди сюда". И в морду. Покатали мы его валенками по снегу, приговаривая: "Не трусь". А он: "Не бросайте меня". Дороги не знает. Сделали мы линию, идем обратно. Он просит: "Не говорите". А Колька: "Да ты, парень ничего…"

Второй убитый — Потехин. Из рабочих воензавода, переживших зиму. Призван недавно. Улыбчивый. Жена приходила. Это — его первый бой. (В эти же дни погиб под Пулковым лейтенант Адрего и еще один наш телефонист.)

Возвращаюсь. "Ребята убиты. Кто пойдет на линию?" Обвожу глазами землянку. Молча встает Саша Мурашевский. Высокий, сутулый еврей. Очень смелый, любящий действовать один. После войны Саша кончил академию связи. Был майор — военпред в институте ИРПА. Заслуженный. Работал по радиопосадке самолетов. Я был на его 70-летии.

А бой идет. Рядом радист танкистов. Слышны их переговоры, дыхание. В памяти остались страшные слова:

— Тут двое сдаются.

— Некогда, дави.

И я слышу, как дышит водитель танка, убивая людей.

Бой в первый день удачный. От неожиданности немцы ушли даже из Урицка.

Потом, упустив темп, пробовали продолжить наступление. Неудача. Много потерь. В овраге телега. Увозят под рогожей тела убитых.

Меня первый раз представили к награде. Сохранился наградной лист и характеристика. (Не понимаю, почему упомянута 4-я батарея, впрочем номера менялись.) Вот текст этих двух бумаг с их стилем.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На сержанта Залгаллер Виктора Абрамовича. Сержант

Залгаллер Виктор Абрамович 1920 г. рождения. Студент Ленинградского Авиационного Института. Комсомолец с 1936 года. Вступил добровольцем в ряды народного ополчения дивизии 2 ДНО — 4 июля 1941 г. и был назначен в 4 батар. 167 АП.

С первых боев он проявил смелость и решительность. Будучи рядовым бойцом — неоднократно замещает наводчика. В бою у села Среднего после стрельбы прямой наводкой он под пулеметным огнем, идя впереди, вывел трактор на огневые позиции и этим спас сохраненное после боя орудие батареи.

В р-не з-да Красный т. Залгаллер в составе расчета ездил в узкий проход вглубь немецких позиций, где расстреляли обнаруженный склад боеприпасов и вывезли, кроме своего, еще оставленное орудие.

Под Ястребино в составе одного расчета оставленного для прикрытия смены позиции полка, расстрелял сначала по закрытым целям, а затем прямой наводкой 350 снарядов со склада 2-го дивизиона. В боях в дер. Фалелеево Залгаллер был назначен командиром кочующего орудия и, приближаясь к передовым линиям, вел огонь с 4-х позиций в ночь, беспокоя немцев обилием огневых точек.

Под Кербоколово получает благодарность от ком. батареи за отличную стрельбу и создание дружного боевого расчета.

Из боя под Ворониным выносит стреляющий механизм оставленного соседнего орудия и выводит из леса группу бойцов зенитчиков. При переформировании полка направляется во взвод связи штатной батареи нач. арт. 85 С.Д. Здесь т. Залгаллер проявляет смелость, инициативу и находчивость.

В дер. Лисицыно он подает под шрапнельным огнем связь на Н.П. на Вышку 33.4. и сам некоторое время ведет с ней наблюдения.

Будучи линейным телефонистом, он поддерживает непрерывную связь КП с подразделениями.

Самые сильные обстрелы не задерживают его выхода на восстановление связи. Он умело и быстро работает там, где выбывает из строя ряд бойцов. Эта бесперебойная связь обеспечила гибкое управление артиллерией дивизии и во многом способствовала боевым успехам частей и подразделений.

Во время боев у реки Тосно тов. Залгаллер один разворачивает связь НАД-85 и в течение месяца вдвоем с гр-ном Тихоновым обеспечивают бесперебойную связь 9 линий связи. Среди разрывов немецких снарядов в мороз, иногда по несколько суток без сна, он не сходит с линий, непременно быстро восстанавливая связь.

Преданный своей Родине комсомолец Залгаллер одновременно работает комсоргом и агитатором и на фронте вступил в кандидаты ВКП(б). Своей искусной и бесстрашной работе на линии он обучает новых, впоследствии одних из лучших, связистов батареи Тихонова и Казакова.

За самоотверженную работу в декабре 1941 г. премируется индивидуальным подарком, а в марте 1942 г. приказом № 87 по дивизии ему присваивается звание сержанта, которое он честно оправдывает, работая командиром отделения.

За смелость, отвагу, находчивость, инициативу в боевой работе сержант Залгаллер В.А. достоен представления к правительственной награде медаль "За отвагу".

Командир батареи ст. л-т (Шахов)

Комиссар батареи ст. политрук (Ханицкий)

* * *

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

ЗАЛГАЛЛЕР ВИКТОР АВРАМОВИЧ

Сержант взвода связи

Командир отделения штабная батарея

Н.А.Д. — 85 стр. Дивизии.

Представляется к медаль "За отвагу"

1. 1920

2. Еврей

3. С 1941 4. Кандидат ВКП (б)

5. В районах: села Среднего, Ивановское, Копорье и под Ст. Паново 20/VII-1942.

6. Не имеет

7. Не награждался

8. Московским Р.В.К.г. Ленинграда.

9. Город Ленинграда 10-я Советская улица, дом. № 11, кв. № 11.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Залгаллер Виктор Абрамович сержант взвода связи. Доброволец, на фронтах Отечественной войны с 1941 г. Являясь участником боев дивизии в р-нах села Среднее, Ивановское, Копорье, будучи командиром орудия, Залгаллер под сильным огнем автоматчиков врага неоднократно расстреливал прямой

наводкой танки и боевую силу противника, проявил себя храбрым и волевым командиром. Командир отделения связи в разгар боя 20 июля за Ст. Паново четыре раза под сильным ортогнем противника, действуя личным примером, быстро восстанавливал проведенную связь нач. артиллерии дивизии со своими подразделениями, чем в некоторой степени способствовал успеху артиллерийского наступления.

Тов. Залгаллер кандидат ВКП(б) с 1942 г. и комсорг батареи начарта.

Достоин быть награжденным медалью "За отвагу".

Командир батареи ст. л-т. (Шаюсов)

Комиссар батареи ст. политрук (Шишин)

II Заключение вышестоящих н-ков.

Достоин представления к правительственной награде медали "За отвагу".

Командир 85 стр. Дивизии Подполковник (Абрамов)

Военком 85 стр. Дивизии Полковой комиссар (Орлов)

III Заключение Военного Совета Армии.

IV Заключение Военного Совета Фронта (округа).

V Заключение наградной Комиссии Н.К.О.

VI Отметка о награждении.

Награды не дали. Позже мне объяснила это книга "Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1945", изданная в 1994 году. В ней на сс. 132–133 сказано следующее:

"Старо-Паново сначала атаковали бойцы 141-го полка, но были встречены сильным пулеметным огнем противника и залегли. Тогда командир 59-го полка полковник Х.М.Краснокутский обратился к командиру дивизии за разрешением ввести в бой два батальона. Комдив разрешил. Один батальон возглавил старший политрук Давыдов, другой — комбат Жирин. Стремительной атакой батальоны захватили Старо-Паново. По приказу они должны были остановиться на восточном берегу реки Дудергофки, но, форсировав ее, ворвались в Урицк. Давыдов вспоминает:

— Я уже хотел послать связных с рапортом о взятии Урицка. Но кто-то из бойцов подбежал ко мне и сообщил, что в овраге замаскированы крупнокалиберные пушки. Политрук Филиппов с группой бойцов захватил эти пушки и уничтожил их. После этого мы стали поджидать подкрепления, без которых удержать Урицк было трудно. Но вместо подкреплений прибыл связной с приказом: оставить Урицк, переправиться через Дудергофку и

окопаться на ее восточном берегу.

Приказ об оставлении Урицка был отдан командиром 85-й дивизии полковником Лебединским, который опасался фланговых ударов немцев. Ночью наши бойцы оставили Урицк.

Многие ветераны считают, что приказ командира дивизии об оставлении Урицка был ошибкой. Действительно, когда 23 июля попытка овладеть Урицком возобновилась, она не привела к успеху. Фактор внезапности был утрачен. Удалось отбить только восточную часть города. По окончании Старопановской операции и отхода 85-й дивизии на отдых, ее командир Лебединский и заместитель по политчасти полковой комиссар Орлов были отстранены от своих должностей за промахи и нерешительность в боях во время этой операции".

Как же могли дать награду по листу, подписанному Орловым.

Вообще, убедился, что награды давали, как правило, после общего успеха дивизии.

С 24 августа по 7 сентября мы под Колпино. Бои то левее Колпино, аж до Спиртостроя, то за Колпино.

В памяти осталось мало. Слова "Красный Бор" — там шли бои. Это дальше, за Колпиным. Помню вид колпинской водонапорной башни. Обстрелы впереди нее моих линий. Усталость и бесконечное желание спать.

Потом — длинные линии в приданные части. Поиск Петро-Славянки — поселка в тылу, снесенного войной вплоть до разбора печей на кирпичи в землянки.

Осень. Под Ленинградом огороды. Идем на передовую телефонную точку. Ходили за пайком. По дороге наворовали кочаны капусты. Сторож с винтовкой. Прячемся в воду речки Ижоры. Холодно. Потом в землянке смеемся. Едим тушеную капусту (двое спят, один с трубкой на ухе, варит), посыпаем чуть гороховым концентратом. Блаженство.

Землянка на контрольной телефонной точке. Макоев из Чегема-2 рассказывает, как женился:

— Договорился я с ее сестрой, с председателем колхоза — тоже. Он всех коней на дальнее пастбище услал. А сестра сама ее за водой послала. Мы с другом бурку на нее накинули, и в телегу. Ночь мы едем, светать стало, она спрыгнула, я за ней, а лошади убежали. Стою, схватив ее, с ножом, в чужом ауле, а друг мой коней ловит. Потом у дальней тетки в подвале прятались. Братья ее меня убить хотели, не нашли. А потом уже все, срок, и все приехали на свадьбу.

В тыл тянули связь с колпинского направления. В треугольнике насыпей железных дорог большой пруд. Далеко две

утки. Двое стреляют в них из винтовок. Утки даже не взлетают. Ложусь, утка-точечка, качаясь на волне, проносится вверх — вниз мимо мушки. И случайно попал. Ждем, нервничаем, надо тянуть связь. Утку гонит ветром к берегу. Зацепилась за камыш близко. Раздеваюсь, прыгаю в воду… Не вздохнуть, у бережка уже ледок. Выскакиваю. Но утку сшибаем с камыша палкой, ее подгоняет ветром, достаем.

Когда тянули от Колпино эту линию, сначала попытались задействовать целую пару верхних телеграфных проводов. В отличие от оборванных нижних, эта пара была даже не железной, а латунной. Оказалось, это — связь Колпино со Смольным. Нам попало уже в Обухово. Из обрывков телеграфной железки и полевых проводов состряпали свою линию. Эта линия была связана с формированием в тылу для дивизии 137 ОИПТД.

Формируют отдельный истребительный противотанковый дивизион. Его будущий командир перед этим живет при нашей части. Говорит: "Во многих частях был. У вас лучше всех кормят". — "А это, — говорим, — у нас повар такой: Архипыч".

Архипов. Карел, из глухих лесов. Не только ничего не возьмет сам. Но и начальник, и дежурный не получают у него лишнего.

— Архипыч, а кем ты дома был?

— Кладовщиком в колхозе.

— А что, у вас не воровали?

— Да нет. Раз был случай, один щенка украл. Лайка хорошая была. Мы за ним верст сто шли. Ушел. На лыжах ушел. Мы только его дом сожгли, чтобы на воровство заводу не было.

Архипова, как мне сказали, убило снарядом уже в 1944 году под Ригой. Вместе с ним погиб его помощник Колесов и наш телефонист Чикин.

Был в городе у дяди Вити. Это не родич, а старый друг родителей. Он чахоточный.

У него в гостях два инвалида из госпиталя. Солдат без ноги и красивая девушка без кистей двух рук. У нее на руке широкое резиновое кольцо-браслет. Под него воткнута ложка. Солдат уговаривает ее выйти за него замуж: "Я тебя мыть буду".

22 октября 1942 года переезжаем в Автово. Мой узел связи промежуточный, в подвалах больницы Фореля. Штаб в Автово. Линии идут влево в Дачное, вперед — через парк Александрино с дворцом графа Чернышева, наверх — на НП, который в башенке, и назад — в штаб.

На башенку ведет обрушенная каменная винтовая лестница. Наблюдатель со стереотрубой сидит в платяном шкафу. Записывает, откуда куда стреляют немцы. Эпоха контрбатарейной борьбы.

В подвале есть действующая пара городских проводов телефона. При ней дежурный, кажется, из погранвойск.

В бумажки из историй болезни умалишенных царской эпохи этой больницы получаем паек.

Парк. В пустом подвале дворца полковые разведчики обсуждают план операции. Сидят на пустых железных койках. (Такие койки валяются на месте разрушенных домиков Дачного.) Молоденький лейтенант в щегольской фуражке говорит: "Там мины". Сзади на него налетает круглолицая рябая девица, с хохотом надвигает фуражку ему на глаза: "Трусишка, там "О", делает кружок пальцами, ноль мин!" — "Отстань, Кошка".

Сейчас бывший снайпер Мария Кошкина — медсестра на Мясокомбинате.

Тюкин. Невысокий, широколицый сибиряк. Хороший солдат. Пришел из-под суда: хранил отцовский обрез и убил в тайге лося. На рассвете часами стоит у залива в камышах. (Где теперь Северо-Западный намытый район застройки.) Хочет подстрелить утку из автомата.

Появился новый начарт (сначала как нач. штаба) Павлов. Требователен и по делу, и ради издевательства. Вот первое знакомство: я на линии, он говорит с Куклиным: "Почему связи нет? Меня соединяют по обходным линиям!" Я вмешиваюсь: "Вы же говорите по этой линии". Визг: "Куклин! Ты видишь, какие у тебя телефонисты. Вмешиваются в разговор. Прислать его под арест!"

1 декабря снова упек меня под арест за хождение в пустую квартиру верхнего этажа: "Страна Вас учила, на копейки строила, а Вы ломаете!"

Он всегда чуть прав. Но его уроки оскорбительны. Вот много позже разговор его в телефон с начартом полка: "Почему опоздала схема?" Тот объясняет. "Нет. Ты приди доложи лично. Хоть ты и Коряга (фамилия), но я тебя выпрямлю". Тот приходит по грязи ночью за несколько верст. "Иди, иди, все ясно. Опоздает схема на минуту — всегда будешь приходить".

Позже, когда командир 167 АП попросил: "Отдай мне Залгаллера, я его начальником связи сделаю", — ответил: "Воспитай кадры, потом разбрасывайся". Но именно он в августе 1943 г. вручил мне первую награду.

Куклин. Как-то начальник штаба артиллерии 42 армии собрал офицеров дивизии. Проверяет умение готовить данные для стрельбы. Дежурящий по штабу наш комвзвода связи Куклин решал задачи лучше всех.

…И вот его отзывают в штаб армии. Дела проводной связи перешли фактически на меня. Я стал старший сержант, и.о.

комвзвода. А Куклин был потом награжден за участие в планировании артиллерийского огня при снятии блокады.

В 1965 г. я услышал в Райкоме КПСС на конференции: "Не разобравшись, исключали в Гипроникеле, за переплату рабочим в экспедиции, инженера Куклина". Сейчас он главный инженер института Гипроникель.

Приятно встречать его улыбку. Мы иногда видимся, когда утром идем на работу.

На шоссе от Автово к Стрельне, справа от трамвайных путей натянуты на высоких кольях рыбачьи сети. Маскируют движение от немецких наблюдателей с завода "Пишмаш". А Кировский завод работает у них на виду. Раненых увозят после обстрелов прямо из цехов.

После развилки, где налево — на Красное село, отдельно, чуть на горке развалины двухэтажных корпусов хорошо смотрятся на закате. Это — "Клиновские дома". В их подвалах и я спал ночь. За ними — "Красные развалины" — там боевое охранение.

Весной 1943 г. на правом фланге — боевое охранение в камышах. Там, говорят, стояли одно время штрафники. В землянках — талая вода до нар.

Примерно май 1943 г., разведка боем у Лигово. Идет штрафная рота за языком. Рота не наша. Но мы с Тихоновым тянем за ними связь для артобеспечения.

…Окоп перекорежен снарядами. Провода изорваны. Накидана колючая проволока. Вдоль окопа лежит раненый. Просит не наступать на раздробленную ногу, приходится ступать ему на живот. Работаем вдвоем с Колькой Тихоновым.

…Идет офицер, чистенький, из тыла: "Почему не приветствуете?" Колька: "Что-о-о!!?", — и пошел на него, скалясь, как зверь. Тот попятился и схватился за кобуру. Колька, тыча вперед пальцем: "Ложка там у тебя! Ложка! Чтобы жрать!.. Вынь, я тебе горло перегрызу. Ну, вынь, вынь!" Офицер попятился и ушел.

…В окопе стоит пехота. Обстрел. Приходится выскочить наверх, обегать их. Крики: "Эй, связисты, живая смерть! Хохот".

…У асфальтового шоссе переход не прокопан. Перебегаем под пулями. Вяжу порывы. Снова идут снаряды. Кидаюсь в канаву. Там — труп с разорванным животом, стою поперек него мостиком. А сзади — тяжелый удар в шоссе, и поднявшиеся комья молотят в спину.

…Сматываю обрывки, прокладываю новую линию ближе к немцам, почти под окнами занятого ими дома. Там тихо. Туда не бьет ни та, ни другая артиллерия, боясь попасть по своим. Связь работает.

…Рев. Идут в воздухе наши ракеты. Сначала думал — в нас.

Первый раз увидел ракеты "Иван — долбай".

…Ротная кухня, видимо штрафной роты, спешит раздать еду кому попало, чтобы быстрей уехать. Заблоцкий, обычно берегущийся, несется с бадьей из жести так, что только палатка развевается.

Бой удачный. Притащили языка, раненого. Был он радистом в Гатчине (подслушивал наши рации, по "почерку" радистов следили за перестановкой частей). Потом — офицерское училище и "практика" на передовой. Здесь и попался.

Помню, уже из другого боя, идет знакомый лейтенант. Нижняя челюсть снесена осколком. Целый язык, как галстук, лежит на шее. Страшные, тоскливые глаза. Встречные сами молчат, жестами показывая ему дорогу.

Был в дивизии снайпер Алоян. Молодой. Убил около двадцати фашистов. Потом — сам попал под пулю: чиркнула по затылку. Умер не сразу. Любили его. Кажется, была рота его имени. Было это под Лиговым. Теперь там городские улицы. Назвали бы хоть одну улицей Алояна.

Вторую годовщину создания дивизии празднуют на вечере в Доме культуры им. Горького.

Танцую с телефонисткой штаба Валей Меньшиковой. Ухаживающий за ней командир дивизии Введенский спросил: "Что за сержантик?" Подходит наш комбат: "Отвяжись, всей батарее хуже будет".

Через год стояли в насыпи у отвилки в аэропорт. Нач. штаба Полянский, немолодой полковник (помню, он играл с ней в шахматы), женился на ней. Потом, отчасти из-за этого, ушел из дивизии… А потом — всплыла его семья, и она осталась одна.

Встретил ее после войны. Студентка филологического. Говорит: "Никому не говори, что я была на фронте. Я и медали спрятала".

7 июля 1943 г. дивизия снова на Московском проспекте.

Начарт со штабом вдруг переехал в Пулково. Помню в главной башне телескопа сидит машинистка. Вокруг — двойные кирпичные стены, оббитые снарядами… Но через пару дней уезжаем, оставив на горе НП.

Письмо об измене жены получил в июле-августе. Писала ее мать: "У Нины нет сил написать… Она ждет ребенка". (Потом сразу мне это же написал Соколин.)

Порвал красноармейскую книжку. Попросил писаря выдать новую с новым словом — "холостой". Жене написал: "Ребенку нужен отец. Посылаю заявление о разводе. Используй, если заявление тебе понадобится".

У Варшавской дороги добывали торф. Стояли мы на отдыхе

на Московском, против будущего "Парка Победы". Ребята ходили к "торфушкам".

В тот вечер я впервые пошел к другой женщине. Противно. Пахнет селедкой. Уходя, спросил в полутьме: "Я тут чужие сапоги не надену?"

В конце сентября 1943 г. даем линию под Пушкин вдоль Варшавской дороги. Живу в трубе под насыпью в километре — влево от пересечения ж/д с шоссе на Пулково (что у Аэропорта). Ходим полями и веткой далеко к Пушкину.

Потом штаб стоит в такой же насыпи, но у шоссе Ленинград-Пулково. Там теперь новый мост и мемориальная доска, со списком номеров дивизий, чьи штабы стояли на этом месте.

После взятия Севастополя немцы привезли под Ленинград тяжелые орудия. Из мортиры, калибром 420 мм, они стреляют ровно 6 снарядов в день. Зачем? Обычно — мимо. Раз в глину ушел неразорвавшийся снаряд, мерили дыру.

Но один снаряд попал в домик, что был под Пулковской горой у развилки шоссе на Пушкин. Там была сделана баня. Мывшиеся погибли. Сейчас на этом месте памятник Пушкину.

В нашей штабной батарее — взвод проводной связи, с отделением радистов, взвод разведки (наблюдатели для НП), связные от каждой из артчастей (свой артиллерийский полк, миндивизион, позже еще ИПТАП, обычно еще приданные артчасти резерва).

Линии на фонических телефонах УНАФ, дальние — все однопроводные. Коммутатор был сначала на 6 номеров. В 1943 г. я себе сконструировал коммутатор на 10 номеров, он позволял в спокойном состоянии разъединять абонентов коротких линий. На вызов от них зуммером загорались розоватые неоновые лампочки. По схеме один из наших, съездив на "Красную зарю", за хлеб этот коммутатор изготовил. Так с этим коммутатором и работал узел.

От штадива и начарта корпуса линии были двухпроводные, на индукторных вызовах (аппараты УНАИ).

Было ли в армии понуждение оружием?

В своих частях — не видел никогда. Существовали заградотряды и КПП (контрольно-пропускные пункты), исключавшие самовольные походы в город. На Московском проспекте КПП был под мостом железной дороги, пересекающей его у райсовета. Аналогичное — под мостом у Кировского завода. (Оба моста тогда не были однопролетными). И в городе — комендантские патрули проверяли командировки.

Но в фольклоре солдатских сплетен были, возможно сочиненные, но характерные для времени слухи. Вот их примеры.

1. Говорили, что в августовско-сентябрьское отступление

военные, выходившие из боя поодиночке, отбившиеся от части, частично расстреливались заградотрядами как дезертиры.

2. В зиму начала 1942 года говорили, что один боец, дважды уходивший с поста боевого охранения греться в землянку и отказавшийся выйти на пост, был убит командиром взвода. Все сказали: "лейтенант прав", но лейтенанта откомандировали в другую часть.

3. Ходил слух, что в штабе 42 армии генерал, отдав пакет с очень срочным приказом связному, приказал бежать. Тот пошел подчеркнуто тихо. Генерал крикнул: "Бегом!", тот — демонстративно еще тише. Генерал его застрелил, пакет понес другой.

Но вот уже факт. Осень 1943 г. Поля за Авиационным институтом. Тяну связь. В поле — группа людей строем. Сажусь в стороне на катушку. Смотрю. Перед строем роты зачитывают приговор о расстреле дважды самострела. Запомнил фамилию: Курицин. Виновник тут же. Тощая шея. (Думаю, он был душевнобольным.) "Комендант, приведите приговор в исполнение". Тот командует: "Кругом!" Курицин неожиданно произносит: "Все равно, за родину, за Сталина!"… — и, помедлив, поворачивается. "На колени!" Тот опускается перед вырытой уже могилой, и в этот момент комендант стреляет из нагана ему в затылок… Проверяют смерть. Потом: "Кто останется зарыть?" Рота молчит. "Двум крайним остаться. Остальные напра-а-во! Шагом марш".

А я веду связь дальше.

В этот день я провел линию вдоль канавы, в которой перед отправкой на фронт прощался с женой.

Бой, описанный в письме от 16 октября 1943 г., был 15-го. Мы давали связь на "глиняную горку", отметка 66, что чуть правее Пулкова. Теперь на ней стоит локатор аэропорта.

С горы передовая — рядом, на ладони. Пехота, для атаки ее выделено немного. У них — группа землянок на поле аэродрома. Перед боем старый солдат зарывал в стенку землянки вещи — в наступление с дальним продвижением не верят.

Рота идет в атаку. Трудно. Проходов в минном поле мало. Плотный пулеметный огонь. Связной возвращается в чужой крови — в проходе минного поля трава перепачкана ранеными. Раненый казах сел молиться на поле. В него немцы кидают гранату. Один фриц смелый, выставил пулемет на бруствер, встречать атакующих. И все же часть людей ворвалась в их окопы…

У нас было три НП, главный, в два этажа, под несколькими накатами бревен и еще слоем рельс. Там были наблюдатели от 167 АП. Края бревен оббиты, как метлы, осколками. Второй этаж

— в подполье для отдыха. Один еще НП наш, т. е. начальника артиллерии, третий (погибший) — приданной части или корпуса. На моем проводе эти три НП шли в обратном порядке.

Тогда казалось: "Зачем этот бессмысленный бой гладиаторов?" А в 1944 г. с этой горы уходил в обход Красного Села на Кипень корпус Симоняка. И тогда нам (стоявшим верстой левее), выдали карты со всеми огневыми точками немцев. По ним били в артподготовку 15 января 1944 г., а разведка всей системы немецкого маневра огнем на этом направлении была уточнена в том бою 15 октября 1943 г. Не зря и немцы повели тогда весь огонь на НП. Впервые я видел не точку уходящего из своего орудия снаряда, а точки артиллерийских снарядов, идущих из неба на тебя! Это было у меня единственным случаем за всю войну.

А начарт Павлов сидел далеко сзади в зданиях Аэропорта. Вероятно, там были приборы засечки немецких батарей.

На следующий день вдруг перестрелка — из немецких окопов вышла с боем часть наших бойцов, считавшихся погибшими.

В 1946 г. летом я возил туда мать. На совсем свежей могилке надпись: сапер такой-то, погибший при разминировании.

Вторым со мной тогда был Чикин. Сплавщик из-под Архангельска. Он удивлял меня тем, что у него совсем не мерзли руки. (А я-то считал, что мои не мерзнут.) "Я, — говорит, — всю жизнь с мокрым багром в руках".

Мне казалось — у него семья, а мне — что… поэтому под разрывы чинить линию я бегал сам. Меня завалило от разрыва стеной окопа. Разбило аппарат. Но я выкопался и линию восстановил.

Контрольная с друзьями была в поле аэродрома, под горой.

Позже смотали эту линию. Тишина. Синева. Ни выстрела. Идем втроем к городу, полем аэродрома. Вдруг мгновенная потребность лечь. Падаю. Сзади разрыв снаряда, и осколки проходят над головой. Встаю. Легли все трое, на недолет! Здорово стреляные.

Стоим в землянках левее Пулкова у свиносовхоза, на склоне к полям, идущим к городу — обеспечивали НП.

25 октября 1943 г., готовится уход дивизии на отдых. Нас двоих послали квартирьерами. Грязные, приходим полями в район Фарфоровской — Щемиловки по заданному адресу. Заходим в жакт. Поздняя ночь. Синяя электролампочка. "Где бы переночевать?" "Пойдите к тете Маше". Идем. Чистая квартира рабочей семьи. Хозяйка будит взрослую дочь, отсылает спать на кухню, а нас кладет в ее большую парадную постель. Сразу проваливаемся в сон.

За месяц, что там жили, напилили ей дров, принесли сахару. "Как, тетя Маша, мы тогда вшей не напустили?" "Да было, родные. Я убрала". "А не жаль было нами белье пачкать?" "Как можно, как можно. Где-то и моего пустят".

С тех пор я, сидя за рулем, на дорогах всегда подвожу пожилых женщин, отдавая долг тете Маше.

В этом квартале был удивительный управхоз. Пустые квартиры опечатаны. Особо ценные вещи уехавших лежат по описи в сейфе. Чистота на лестницах, во дворах.

Пришли женщины. "Ты, видно, цыган? Погадай". Для шутки начал. Рассказываю им о них самих. Это не сложно, когда видишь быт, лица, руки. Привели женщину, полусумасшедшую от потери всех близких. Нагадал ей "счастье через чужих детей". Помогло — пошла работать в детсад.

Прибегает вестовой комбата. "Тут квартира хорошая. Хозяйка говорит, пустит, если этот ваш цыган погадает". Иду. Дом рабочий, но с привкусом лишнего довольства. Хозяйка не по блокадному крепка, верно, работала у еды. Говорю ей: "У вас на душе тоска. Когда муж уходил в армию, вы с ним поссорились". Она — чуть не в обморок: "Откуда знаешь?" (А я слышал, что он в ополчение ушел, думаю — такая стерва наверняка не пускала.) "А он жив?" "Нет, говорю, — убит". (Ей же этого только и хотелось.) Прислала мне вечером маленькую водки.

В городе комендантские патрули задерживают военных, больше за неприветствие. И заставляют под арестом расчищать снег.

Были с лейтенантом из разведотдела дивизии в городе. На Мальцевском рынке я выменял за кусок хлеба кусачки. Нас задержали за посещение рынка. Сидим в комендатуре, ждем вызова на разбор. Вызывают. В зале за столом майор: "За что задержаны?" Лейтенант, держа правую руку в черной гладкой кожаной перчатке неподвижно висящей, отвечает: "За неприветствие". "Почему не приветствуете?" Лейтенант, показывая левой рукой на неподвижную правую, ловко изображающую протез, молча пожал плечами. Майор в ужасе привстал, извиняясь всем своим видом. "Это — с вами? Можете идти".

Этой наивной мальчишеской спекуляцией на уважении к раненому потом воспользовался и я. Был в городе. Уже давно ходят трамваи. Еду, все сидят и ни один не стоит, редкий случай, когда людей и мест поровну. Входит капитан, постоял, подходит ко мне: "Почему не уступаете место старшему?" Я молча встал и под взглядами всего вагона сильно хромая пошел на переднюю площадку… Капитан даже не сел. Он выбежал на заднюю площадку и спрыгнул на ходу.

Около 20 ноября 1943 года. Штаб остался в Фарфоровской. Мы, два отделения — связь и разведка, едем на Пулково. Груз на себе в больших санях. Вьюга. На шлагбауме в Шушарах — попутный автофургон нашего разведотделения дивизии. Часть наших грузится. (Одного, как полено, горизонтально вкладываем в угол фургона, под потолок.) На санях лежим вдвоем с Гороховым. Держимся, меняя руки, за машину. Дико мерзнем. Отцепляемся уже на Пулковской горе, на подъеме влево. Ночь. А машина зашла недопустимо далеко влево и завалилась мотором в траншею поперек шоссе. Рассветет, и ее увидят из Пушкина, разобьют. Сбегаются бойцы, вынимаем машину на руках.

Выполняем странное задание. Заготовили линии, на которых никого нет. Живем опять против свиносовхоза. У развалин белой церкви наш НП. (Теперь-то понимаю — отсюда дивизия пошла потом в наступление в январе. Хотели все сделать заранее. Чтобы потом не выдавать себя подготовкой.)

Жлудов. Лицо дыней, даже после бритья черное, лошадиные передние зубы. Прибыл к нам с приговором за хищение продуктов. Работник ресторанов. Поподхалимничал, привез начальству велосипед. Вдруг объявился старшиной. Прислан старшим наблюдателей на НП. Люто ненавидит меня — почему я, старший сержант, над ним начальник. Почему вообще уважают меня, а не его? За месяц это нарастает в нем до сумасшествия. Напившись, кинул в мой узел связи гранату. Выскочил сидевший там Ваня Тюкин, а аппаратуру побило. Дали мы Жлудову по зубам, сняли погоны, сдали под суд. Был ли он в штрафной роте, не знаю, больше не видели. Возможно, директорствует в каком-нибудь ресторане.

Подготовка к наступлению стала видна. По полю под горой расставляют ракеты в ящиках. Навалены белые бревна телеграфных столбов, которые пойдут за войсками.

Прибыли части. Роют новые НП.

14 января загремело далеко справа. А 15-го загрохотал сотнями ракет и сотнями стволов и весь наш фронт. Долго… Несколько недолетов рвут нам связь. Чиним.

И пошли вперед части.

Справа есть успех. А у нас слева, против Александровки, — хуже. Первые окопы пройдены. На поле я оглянулся, всего два наших убитых. Первые немецкие землянки неожиданно близки и неожиданно уютны. Но с неприятным запахом совсем чужой жизни.

Помню, именно на нашем НП сидел генерал Введенский (у белой церкви) в начале атаки. С ним радист — наш Саша Лисиненков (он его забрал к себе). Надо переподчинить

артдивизион, где-то батальон истекает кровью, а тут порыв линии. Генерал кричит: "Не будет связи, расстреляю". Прыгаю через бруствер, по линии. Пока я добежал до порыва, ребята уже починили.

Ночь, ранний рассвет. Прислоняясь к брошенной немецкой пушке, стоит лыжник — офицер из лыжного батальона. На его белом маскхалате огромные пятна крови. А лицо счастливое — победа!

Справа через две ночи уже идут в сторону Гатчины машины с зажженными фарами, объезжая гигантскую воронку, перегораживающую шоссе. А мы топчемся, обходя Александровку.

Работает похоронная команда. Мимо идет полк. Комполка Краснокуцкий кричит: "Как смеете снимать валенки? Что солдат не заработал? Как мои в бой пойдут? Одеть!" (До сих пор не знаю, кто прав.)

На месте деревни Рехколово, влетевшим в землянку осколком в сердце убило Ивана Лесного, прямо у телефона.

Он был каменщиком, из Петергофа. Пожилой. Имел от Кирова именные часы за стройку. Всегда повторял: "Помирать собирайся, а рожь сей". Все старался чинить. Грустил: "за это время я с подсобницей пару корпусов по миллиону кирпичей сложил бы". Клал нам печи. Он только нашел потерянную в период Финской войны в Петергофе жену.

Устаем до ужаса. Уснул на снегу. Оттепель. Проснулся — пола шинели вмерзла в лед. Осталось это в памяти.

Пошли быстрее. Александровка уже давно сзади.

Дмитрий Заблоцкий. Мастер с завода Сталина. Полный, рыжеватый. Пришел с пополнением весной 1942 года. "Как ты выжил?" "Да я такую мышеловку сделал…"

Смерти бережется, но только до начала работы. Умеет все. Из тех, на ком земля держится. Один недостаток — всегда заискивающий голос при разговоре с начальством.

Пришло пополнение. Ночь с 22 на 23 января. Бужу Заблоцкого. Нам идти с полком в обход Павловска. Лежит, не может проснуться (на полу немецкой землянки). Держится потом за живот. "Не могу идти". Пинаю его ногами. "Ты что?" — "А ты что?" Встает.

Идем по насыпи железной дороги. Пехоты много. Новобранцы, все почти в полушубках. Слева в темном лесу совсем рядом немцы. Светает. Они же нас видят! И сразу завыл их шестиствольный миномет. Мины идут сверху, за насыпь. А неопытные — туда кинулись.

Мы с Заблоцким лежим на насыпи между рельс. Затихло, за насыпью полно раненых. Разбитые сани с водкой. Санитар

накладывает жгуты.

Режем для раненых проходы в проволоке. До санбата километра два. "Во-о-он туда!", — и человек без ноги со жгутом ползет на локтях. У одного ранены обе ноги. Его санитар уносит на спине.

А мы снова вперед.

Участок простреливается снайпером. Перебегаю. Следующий падает. "Димка!?" "Тише, я здесь, это какой-то дурак дал прицелиться".

Тянем линию. Подымаемся на бугор. Метрах в двадцати справа, чуть сзади, рвется мина. Я упал. Поскользнулся или толкнули? Оглядываюсь. На плече полушубка дыра. Снимаю полушубок, боли еще не чувствую. "Ребята, меня, кажется, ранило". Локоть уже не отрывается от корпуса, а пальцы вполне хорошо работают.

Деться некуда. Мы в их тылу. Продолжаю бегать по линии. К середине дня обильно подошли наши части. Иду к санитару. "Мне бы в части остаться". "Да у тебя там осколок, просто тулупом забило, вот крови и мало. Дуй в санбат".

Медаль "За отвагу" друзья принесли мне уже в госпиталь.

ВЫПИСКА
из материалов Совета ветеранов 85 СД
о положении штаба дивизии
1-2 ноября 1941 г. — Александровка (у поста Фарфоровский)
2-13 ноября — Красный Кирпичник
13 ноября — 24 дек. — Спиртострой
24 дек. 1941 г. — 6 фев. 1942 г. — Красный Кирпичник
6-7 фев. — у Дворца Советов
7 фев. — 24 мая — Мясокомбинат (потом — в насыпи)
24 мая — 7 авг. — Сызранская ул.
7-10 авг. — ул. Александровская
11-24 авг. — ул. Новосергиевская
24 авг. — 6 сент. — Колпино, Кр. Кирпичник
6-17 сент. — ул. Александровская
17 сент. — 22 окт. — ул. Фарфоровская
22 окт. — 7 июня 1943 г. — Автово.

Часть 3. В госпитале

Под Пулковской горой, на поле со стороны города, в брезентовом "доме" идут операции. Тарахтит движок электроосвещения. Кто в голову, в живот — на стол. Остальным — кружка водки, кусок колбасы и — на машины. У меня проникающее в сустав осколочное ранение плеча.

Привозят в Александро-Невскую лавру. Опять кружка водки и кусок колбасы. Сидим.

Уже к ночи трамваем едем в госпиталь. Мы во Дворце культуры работников связи, на Мойке. Тогда здесь был эвакогоспиталь 1449.

Раздеваемся. Входит медсестра. В ее руках наволочка. Привычно собирает в наволочку запрятанные нами пистолеты. "Обвяжите друг другу раны клеенкой и помойтесь". Делаем. "Теперь тихо. Хирург уже второй день работает без сна. Вы не шумите". Выглядывает в дверь хирург: "Сколько еще?" — ответила — "Ну, давай". (Нас было человек 15–20).

Три операционных стола. Врач ходит от одного к другому. Ложусь. Щипцы в рану. Осколок сидит в кости в лопатке, не выдергивается. Наркоз. Просыпаюсь. "Хотите на память?" — "Ну его". — "Сами дойдете?" — "Да"… Мутит только.

Хирург уже наклонился над рукой одного парня, а тот помогает другой рукой собирать кусочки собственной кости. Тихо. Никто даже не кряхтит.

Первый день брежу от температуры, потом — трое суток сплю. Потом стало весело. Много ем. Танцую с гипсом. За танцы сестричка дает мне лишнюю котлету.

Пришла жена Заблоцкого. Принесла водки. Говорю, что не могу брать, ударил я его ногой, рассказываю, как было. А она: "Господи, мелочи все это, был бы жив".

Из-под гипса тяжело пахнет гнилью.

В кинозал положили раненого. Получил героя (отбил в разведке группу угоняемых жителей). Теперь нет двух ног. Обморозился раненым. Хочет кончить с собой. Дежурим.

Соседу по палате написали 1 месяц госпиталя, а у него отсохла рука. Мне написали 4 месяца, а я почти здоров к марту. Тренировал левую, и при снятии гипса заработала правая.

Приехала мама! Постарела, стала стройной. Легко подымаю ее на руки. Она остановилась в "Астории", рядом. Часто меня навещает.

Ходил в самоволку.

20 марта 1944 года. Батальон выздоравливающих против

Детскосельского вокзала. Утром все идут строем, якобы в баню и т. п. За воротами разбегаются по знакомым. В обед — обратно. Вечером удрать труднее. Перелезаем забор с проволокой. Там ТЭЦ, в проходной — часовая с винтовкой. "Стой". Отнимаем винтовку. "Не шути, мамаша". Отдаем. Мы на Фонтанке…

Табак и сахар, зато "раздают", когда большинство в самоволках.

Итак, нет блокады!

Ленфронт врезался в память так, что мысленно могу пройти по окопам от залива и Клиновских домов через Лигово, Старо-Пановские овраги, вокруг аэропорта, за Пулковым, перед Александровкой и Пушкиным, за Колпино и влево до Невы у устья Тосно.

Остался еще финский фронт. О нем у нас говорили: "Кто не воюет? Начфин, начхим и 23 армия". Но и финский фронт позже я прошел.

А "сейчас", в марте 1944 года, после неудачных надежд откомандироваться на учебу в свой институт (с других фронтов наших студентов возвращали на учебу в Авиационный институт в Кисловодск), еду на фронт.

Под Нарвой (и Псковом) большие потери. Мы нужны. С собой мне дали пластырь, залеплять еще гноящуюся рану на плече, сухари, шпик, и в эшелон.

Прощай, 85-я стрелковая дивизия.

Часть 4. В наступлении

По двести граммов шпика, по полкило сухарей и — в вагоны. Ночью в лесу под Нарвой выгрузились. Разбрелись, спим на снегу под елями. Март 1944 года. На рассвете ходят вербовщики. Построились. "Кто в разведку?" Вышли двое. "Связисты есть?" Нас вышло трое.

Капитан Шатунов. Идем с ним. Он командир роты связи 372-й дивизии. "Ты кто?" — "Студент". — "Связь хорошо знаешь?" — "Да, могу". — "А на коммутаторе мог бы подежурить? А? Сейчас?" — "Могу". — "Понимаешь, немцы на КП прорвались. Одну телефонистку штыком. Другая вот вторые стуки без смены". Он высокий, в фуражке, морозит оттопыренные уши. Напоминает улыбнувшегося Максима Горького.

Позже, в Тарту, его тяжело ранило в ноги снарядом, влетевшим в окно.

Коммутатор немецкий, блинкерный, на 50 номеров (используется 20), трофейный от Новгорода. Землянка низкая, на болоте.

С ногами на земляных нарах, на хвое, при коптилке, начинаю знакомство с новой дивизией. Провода живут своей жизнью. "Машину". Бужу телефонистку: "Комдив просит машину". — "Это в тылу. У него в фургоне жена с сыном ездят".

Отоспавшись, дежурит она. Хохочет в трубку: "Иди, иди. У меня уже кобыла хвост подняла". Ее зовут Женя. Вскоре она демобилизовалась. Раньше я был в части, где не было девушек, и к циничным шуткам не привык.

В дивизии свои традиции, свои легенды. Как держали под Мясным Бором горловину прохода к окруженным. (Там погиб мой брат.) Как не смогли удержать. Комдив Попов "сам на пулемет пошел". Сами были в окружении. В окруженном полку был геройский командир Черных. Полк вышел. Только он сам погиб. Его тело вынесли. А потом его жена (она с ним была) "скурвилась", и ее, чтобы его память сберечь, из дивизии выгнали. Дивизия брала Новгород через Ильмень.

Привыкли к болотам, называют себя "372-я непромокаемая". Отделы штаба живут так. Квадратный срубик 2х2 метра (срубик из четырех жердей, высотой сантиметров 40). Вокруг, на полметра шире, второй срубик. Между ними насыпан торф. Сверху — палатка с вшитой в потолок железкой для трубы, внутри еловый лапник. Вот и весь "блиндаж". Два года прожили в лесах. Без бумаги, письма на газете. У многих гребешки, мундштуки, ножи из сбитых самолетов.

Из штаба армии или корпуса к нам телефон двухпроводный. Линию "запикаривают" парой трансформаторов, и по ней же работает телеграф. Телеграфистов двое.

Первый телеграфист — Маркин из Казани. Телеграфист всю жизнь, на железной дороге. Очень аккуратен. Пуглив. Единственный солдат, который предпочитал уйти в укрытие, чем поесть. В мирное время влюбился и посватался по телеграфу. Жена присылала на фронт размеры, и он шил костюмчики детям. Прием ведет на слух, в темноте, привязав жестяную баночку к аппарату. Передает с необычной скоростью и точностью. Его вызывали потом на курсы как "источник" при соревнованиях по приему.

Второй телеграфист — Канонченко. Мы зовем его "дядя Федя". Тоже железнодорожный телеграфист, но по существу — профессиональный спортсмен из украинского "Локомотива". Работал, говорит, три месяца в году, остальное на спортивных сборах. Спортсмен потомственный, и отец тренировал его с детства. Классный штангист и… спринтер. Сейчас дядя Федя седой. Но тело у него, как у всадника статуй Клодта на Аничковом мосту.

При мне это было. Лес, болотная гать. Верхом молоденький посыльный к дяде Феде: "У вас кино где-то будет?" — "Вон там. Пошли вместе". — "Конный пешему не товарищ!" — "А ты догони".

И крупный седой солдат в гимнастерке мешком и уродующих ноги обмотках летит в классическом спринтерском беге.

С имуществом телеграфа ездит двухпудовая гиря. Утром дядя Федя разминается. Вытянутая вперед рука не вздрагивает, когда кисть подбрасывает, вертит и ловит гирю. Правой, потом так же левой. Пробежка…

Полная новая телефонистка Кима, килограммов на восемьдесят, говорит: "Дядя Федя, поиграй со мной". И он отечески берет ее на руки и подкидывает. Как-то показал нам, как снимает скат какой-то дрезины с рельсов. Это за полтонны. Машину, говорит, перетяну. Поднял задок, колеса крутятся в воздухе.

После освобождения Украины пришли вести, что его дом сгорел. Жену мордовали, топилась в колодце, вынули. Угрюмый стал. Потом ему перебило ноги в автокатастрофе в Пруссии. Но оправился, работал в штабе армии.

После тяжелых боев и потерь на плацдарме за рекой Нарвой дивизия уходит на Ленинград. Село Рыбацкое. "Кто знает город?" — "Я". — "Сядешь в головную машину. Проведешь колонну на Выборгское шоссе".

В городе трамваи. На Шлиссельбургском проспекте мальчик

лет 12 соскакивает с трамвая на ходу, не оглянувшись, прямо нам под машину. Она мягко вздрагивает, переезжая тело. "Не останавливайтесь. Здесь город, ему помогут. За нами едет дивизия…" Вот уже Второй Муринский проспект. С воем впереди останавливается машина милиции. Выскакивают с автоматами… Но дивизию через город мы провели. Шофер молча прячет права в сапог.

Мы в милиции. Площадь Урицкого. "Права". — "Нет". — "Почему не остановились?" — "Мне приказали". — "Кто приказал? Вы?" — "Да, я". — "Кто выпустил машину из гаража с такими тормозами?" — "Что-о-о?!" — "Ну, ладно. Но парень-то умер". Молчим.

За мной пришел мотоцикл. А шофер остался. Письмо от него: "Держали до еды. Потом отослали на Кирочную улицу в запасной автополк. Теперь вместо сорокапятки вожу по городу генерала". А машину милиция просто зажилила.

Дивизия пополняется выздоравливающими из ленинградских госпиталей.

Началась Выборгская операция. Бывший передний край проходим вторым эшелоном. Полукилометровой ширины лента черной, сожженной земли. Наш сгоревший танк. Из люка висит тело танкиста. Половина обгорела до углей, половина — розовеет белым телом.

И сосны, сосны, сосны…

Потом уже мы впереди, в боях, рывках, перебежках. 20 июня "вбегаем" в Выборг.

В домах чисто. На столах еда, чай. Ни души. В дровяном складе сдался финский снайпер. Около знаменитой статуи лося лежит мертвый финский солдат. Бомбят юнкерсы, погибла машина с людьми из отдела контрразведки. Сбили два юнкерса из трофейных "Марианн".

Хороним своих убитых.

Магазин. Боец, перегнувшись, черпает со дна бочки мед. Вымазался. Чем умыться? О прилавок отбиваем горлышки бутылок, поливаем, и он моется.

Отдыхаем, набрав из подвалов моченой брусники.

За Выборгом фиорд. Его не перешли. Потери. Свой летчик на парашюте садится между нами и финнами. Двое едут за ним на лодке. Под пулемет. Одного убило, второй привез летчика.

Генералу Радыгину дали в Ленинграде квартиру. "Кто хочет в город?" В ящиках везем из Выборга небольшой комплект мебели.

На шоссе голосует регулировщица. "Подвезите!" Подает автомат, садится, потом сходит. "Дай автомат". Прижало ящиком, тяну на себя, не идет. Перехватываю покрепче, выдергиваю, и

автомат из подмышки дает очередь в небо. Хорошо, что перехватил, иначе бы себе в грудь.

Конец Кировского проспекта, на Каменном острове направо три дома. Вносим мебель. В окно выкидываем оставленные умершими в блокаду книги: справочник Хютте, Курс высшей математики…

Ночую дома. Пришла мать, не достучалась, сняли с петель дверь. Я просто по-фронтовому спал.

И снова в сторону Нарвы, на Кингисепп. По всей Псковщине нет крыш, даже сараев. Трубы пожарищ, трубы, трубы. От землянок старик и три женщины, подпирая плечами и подведя ей под живот полотенца, ведут шатающуюся от голода корову.

А потом была чистая Эстония. Почти не тронутая. Это умышленно, так нельзя случайно! Это — чтобы поссорить, разделить людей.

Дожди над просторами полей и кустов, далекие и косые на ветру. Вспоминаются есенинские строки: "Ветер мокрыми метлами чистит ивняковый помет по лугам…"

Ночью едем на машине на юг, далеко, болотом по высоким, на сваях, проложенных армейскими сапёрами, над болотом рельсам из бревен! Каждый рельс в два бревна. Площадки для разъездов. Странно до нереальности.

В небольших железных баржах дивизия переправляется через горловину Чудского озера.

В Тарту сходил поклониться университету. По городу стреляют орудия из-за реки. Ранен тяжело Шатунов.

Я схлопотал арест (облаял по телефону генерала). В качестве гауптвахты в пустом флигельке в Тарту жарю всей роте блины.

Началось большое наступление. В итоге немцы оторвались от преследования.

Идем ночью. Колонна остановилась. Стоим час. Тьма и туман. Вдали строение. Иду посмотреть. Хутор. В хлеву разведчики режут барана. Я ловлю двух кур… А часть все стоит. Рассвет. На свету все оказалось рядом. Часть останавливается, у хозяйки хутора остановился генерал. Срочно прячу убитых кур в снарядный ящик. Утро, пакуемся, несу ящик в повозку. А повозочный орет: "Это еще что? Зачем ящик?" Генерал, стоящий рядом на высоком крыльце, обернулся. Я повозочному: "Там коммутатор". Повозочный приоткрывает ящик: "Ах, какой хороший коммутатор!" Привязывает… Пронесло.

От города Тюри корпус поворачивают на Пярну. Сказали, чья дивизия первая придет, — будет "Перновская".

Идем в день по 60 километров. Все имущество, даже оружие, в телегах. На лицах полосами соль, как изморозь на окнах.

Привалы в сухих канавах, ногами вверх. Жара. Ну и сентябрь!

В последний день не дошли до Пярну километров 15. "Есть машина. Кто хочет ехать вперед?" Влез.

Мы на высоком берегу, на дороге, идущей широким полем. При нас взлетает взорванный немцами мост. Видно, как удирают на мотоцикле их саперы. Рядом подъехал наш танк. Из него генерал Лященко — командир соседней 90-й дивизии — доложил, что он в Пярну. И они стали Перновские. А мы сели в лодки (их много под крутым берегом) и переплыли в город. Ловим брошенных немцами верховых лошадей. Нашли пивзавод. Прострелили из автомата бак. Попили. Остальное течет на землю. Легли в доме спать.

Идем от Пярну берегом к Риге. В лесах кучками новое немецкое обмундирование. Раздевались мобилизованные местные жители.

Появились в море немецкие корабли. Стреляют по нам. Отвечает артполк. Корабли уходят за горизонт.

Дивизия вдруг отведена в сторону. Сушим и прессуем сено. Готовим погрузочные платформы. Грузимся в вагоны. Вся 2-я ударная армия едет в Польшу.

Несколько десятков эшелонов идут друг за другом. Сверху летает регулировщик У-2, иногда сбрасывает вымпелы.

У меня связь по теплушкам всех вагонов эшелона. В одной из них играют в преферанс. "А можно мне?" — "Давай". Потом, уже за Данцигом, по телефону раздался голос: "Это ты, Залгаллер, который здорово в преферанс играл?" "Я". — "Тут на тебя наградной лист пришел. Понесу генералу, когда будет в хорошем настроении".

Впрочем, тогда наград отпустили много, а живых осталось мало. Так что мой орден не только за преферанс.

Лучшая телефонистка дивизии Алевтина Баранова. Учительница из Чебоксар. В дивизии давно. Любила Шатунова. В каске, плаще, с наградами ее снимал фоторепортер для журнала "Огонек". Рыжеватая, небольшая, стройная. Она с поразительным упорством отстаивала достоинство всех женщин. И уважали ее. Когда шли бои, она дежурила всквозную, сутками, без сна, а мы все уходили на линии.

Она мне нравилась. Уже к концу войны я сказал ей: "Давай поженимся, поедем ко мне в Ленинград". — "Что ты. Тебе Майя пишет". Когда я единственный раз на войне простудился и ехал в телеге от Мариенбурга к Мариенвердеру, она легла рядом и поцеловала меня. И все. Позже, уже после Рюгена, сказала: "И ты с немками путаешься. Эх, вы!"

В поезде из Прибалтики в Польшу, в скучной тишине

товарного вагона с нарами, Алевтина вдруг говорит: "Ребята, хотите я вам расскажу, как Васька мне в любви объяснялся?" Васька Зуев заскрипел зубами. Стало еще тише. Только колеса стучат. И она замолчала.

Зуев диковат, с финской войны отслужил солдатом кадровую, а тут снова война. Он, правда, любил ее, помогал, когда был трезвый. А пьяный вспоминал эту вагонную обиду и пытался ее убить. Раз лежим в казарменной палате прусского городка. Пробегает Алевтина: "Васька с ружьем!" В палату входит Васька, шатаясь, с карабином. От живота стреляет вдоль комнаты. "Где она? Убью". От печки летит кафель. Маркин на него: "Васька, Васька, Васька…" и за ствол схватил. Навалились, отлупили. А тут команда: переезд. Привязали его на двуколку, поверх катушек. Протрясся верст пятнадцать без рессор. Вся спина в синяках. Протрезвел, спрашивает: "Виктор, что было?"

Отправили Ваську Зуева в другую часть.

В мае 1945 года я командовал взводом. Война уже кончилась. Двигались в июне на запад принимать границу. Остановились в брошенном особняке. Сказал кому что делать. А девушкам — ничего. Им завтра демобилизоваться. Алевтина ночью все полы в двух этажах вымыла.

После войны она в Чебоксарах на текстильном комбинате работала. Получила орден Трудового Красного знамени. Потом была партработником в издательстве.

Около 1980 года на встрече однополчан я написал ей следующее стихотворение:

Ты давно, Алевтина,
не маленькая,
Но позволь назвать тебя
Аленька.
Фронтовая молодость
помнится,
Хоть была ты
большая скромница.
Не страшась промозглых,
бессонных дней,
Воевала ты
мужиков смелей.
Полюбила раз только
ротного,
Да щедра-война
его отняла.
Зубы сжав, несла

честь девичью
Среди крови и
неприличия.
Одним пугана,
другим ругана,
Ты всегда была
верным другом нам.
Не ждала, сержант,
в жизни милости,
Генералом была —
Справедливости.
Будет списки наши хранить музей,
А потом листки затеряются.
Так прими поклон от своих друзей.
Жили честно мы — не в чем каяться.

Вторая наша лучшая телефонистка Кима Боровик. Ленинградка, пришла в дивизию перед Выборгом с узла связи Ленфронта. Полная, веселая, умная. Дружит с Алевтиной. Полюбила молоденького лейтенанта Леву Быкова из разведотдела. Поженились, прожили жизненную полосу. Но Лев, уже полковником, умер, сын отделился, и Кима живет одна с внучкой. Она и через сорок лет телефонистка Октябрьской железной дороги. С прежней жизнестойкостью и юмором.

Были еще телефонистки. Но временные — надоест война, забеременеет и уедет.

Ноябрь, декабрь 1944 г. стоим в Польше, в лесочке, в палатках. Неделями без права выхода из леска. На снегу только следы саней старшины.

Выдают новое теплое белье. Это — к наступлению. Меняем все это белье разом на самогон к Новому году. Добавили ротную швейную машину. Старшина ездил менять. Выделили начальству. Осталось по 800 граммов самогона на каждого. Стоим в очереди у саней. Старшина наливает в огромную белую кружку и дает брусок шпика. Пить приходится 800 граммов залпом. Оказывается, живя на снегу, это можно. Хмелея на ходу, ложусь в палатку.

Пришел 1945 год, год Победы.

Затеяли маневры. Мороз и сплошной молочный туман. Свернули на мост через Буг, а мост-то давно взорван. Машина рухнула мотором вниз на толстенный лед с четырехметровой высоты. Мы, вперемешку с катушками, веером разлетелись по льду. Спасли нас ватники, ушанки, валенки, ватные штаны.

Только у лейтенанта Баранова вместо лица странный кровавый блин. Вдруг он проводит рукой, и… лицо цело. Это ему сняло лоскут кожи с головы, и она завесила лицо. Он убыл в санбат, а я принял взвод.

Приказано переучесть инвентарь. Послал я телегу на одно поле боя, собрали и сдали старьем все, что за взводом числится — каски, шинели, провода. Воюем как бы "ничем". Гримасы бюрократии, оказывается, есть и на войне.

Выехал с отделением вперед готовить связь. Промороженная земля. Углубились киркой на штык в остекленевшую от мороза глину. Спать нельзя, холодно, минус 25 градусов. Топчемся, ворочаемся на еловом лапнике, смотрим в небо на яркие стылые звезды.

Пошел к реке. Там у берега есть несколько землянок державшего участок ОПАБ'а. Банька. Топит ее старик еврей. Спрашивает меня: "Аид?" — "Да". Забормотал по-еврейски. А я не понимаю. "Ничего, — говорит, — ты спи, а я над тобой буду петь". И я уже сплю на сырых нарах… Первый раз в жизни мне помогла моя нелепая национальная принадлежность.

Утром в бой. Во взводе убито двое. Сижу у их тел. Получил и читаю письмо от моего университетского профессора. Учит меня, что младшему надо писать "уважаемый", равному — "многоуважаемый", а старшему "глубокоуважаемый".

Прощайте, многоуважаемые, и я бросаю в могилу горсти земли.

Первый взятый нами "заграничный" город — Цеханув. Много мин. Во взводе подорвались еще двое. В писчебумажном магазине взял никелированный будильничек. Стоит в землянке.

В Польше странно много штатских молодых мужчин. Нищие военные базары. Как-то все продается. Иногда муж торгует женой. Много самогона среди нищеты.

Движемся на север. К Восточной Пруссии. Политбеседа. "Мстите в меру своих чувств. Иногда можете забыть, что есть прокурор. Пусть они отведают горя за наши муки". А потом — уже под Данцигом — приказ Рокоссовского о расстреле за насилия и поджоги.

В Пруссии пустые зимние поселки. Скот брошен. Провалившаяся корова воет в канаве. Конь, как дикий зверь, красиво стоит в лесу.

В пустой заснеженной деревне лежит в одном доме парализованный немецкий старик. Солдаты вкатили ему в комнату бочку. Налили воды, оставили еду.

Идет тяжелый бой. Опять во взводе есть убитые. На холодных полях с ветром лежат два мертвых гитлеровца, закоченевшие в

снегу. У каждого на пальце кольцо: череп и две кости. Дивизия СС "Мертвая голова". Хотел снять на память кольцо. Не идет. Стал перекусывать палец телефонными кусачками. Опомнился. Бросил это.

На втором убитом, забирая документы, нашел пару фотографий — разборка памятника 1000-летия России в Новгороде. На обороте дата: 19 сентября 1941 года. Сейчас это фото в музее в Новгороде.

Заняли имение над горой. В подвале коллекция редких ковров. Каждый ковер в трубчатом футляре. Ковры потом развернули и подсунули под колеса буксовавших машин. Помогло. Это — не единственная дикость. В дворцовом зале особняка огромная коллекция гравюр, они в больших бледно-оливковых папках. Стеллажи с папками в два этажа по всему залу… В одном конце зала солдат развел на полу костерок. На выдвинутом шомполе греет котелок. Топит гравюрами. Греет воду для санитара. Рядом на разостланных гравюрах санитар перевязывает тяжелораненного. Один солдат ходит и ножницами вырезает из гравюр голых баб. И грохот, грохот разрывов. Это из оврага за домом немцы фауст-патронами ломают стены следующего ряда красивых дворцовых комнат.

Темнеет.

Выпивший капитан Капустин, зам. комбата по политчасти, сел за руль полуторки. Дороги узкие с аллеей деревьев. В темноте навстречу автомобиль с одной фарой, правой. А Капустин думал: это левая. Удар, и я лечу от заднего борта на крышу кабины. У четверых, сидевших по левому борту, перебиты ноги. Среди них Канонченко. Наша полуторка развалилась.

А у массивного груженого "Студебеккера" даже не заглох мотор. Он увозит наших раненых поверх ящиков со снарядами.

Рядом на горке особняк. Ложимся в нем спать. Наверху кто-то ходит. Подымаюсь. В спальне посторонний солдат под шкафом из карельской березы, в котором висят меховые пальто, разводит костер. "Ты зачем?" — "Они мою деревню спалили". — "Пошел вон". И все-таки он сжег дом. Мы ночью выпрыгивали в окно. Упрямый был солдат.

Поздно вечером дивизия вышла к лесу. Остановились. В лес ходил разведчик. Говорит, что лес — километра полтора. Потом — поле. В поле стоит эшелон с легковыми автомашинами. За полем, дальше, город Дойч-Эйлау. Начальник разведки дивизии, подполковник Комаров, навеселе, на белой лошади, с двумя пешими автоматчиками рядом, уехал это смотреть.

Их нашли утром в лесу убитыми. Разведрота оцепила лес. Убили в нем десятка полтора фашистских солдат. Они лежат,

сложенные в ряд, на последнем снегу. Из этого леса лишь один немец вышел живым. Он сдался телефонисту, который заставил его носить за собой катушки. Потом этот немец даже помогал на промежуточной станции, но приказали отправить его в тыл.

Взяли Дойч-Эйлау. Город со знаменитым именем оказался небольшим. Есть неразбитые кварталы. Людей нет. Вхожу в универмаг, наверху квартира владельца. Взял со спинки кровати висевший костюм, послал домой (тогда разрешили посылки). В этом костюме я кончал потом университет. Под окном остановилась машина с девушками-регулировщицами. Открыл шкаф, сгреб платья и бросил им в машину. Одно платье послал домой Майе, а белую шубку отдал Алевтине. Она в ней приезжала в Ленинград, лет через 25.

Дивизия на марше. На развилке стоит генерал Радыгин. Мимо идут части. Вдруг из-за спины генерала, с боковой проселочной дороги, появляется телега. В ней старый польский крестьянин, большая бутыль спирта и двое наших в маскхалатах. "Стой". — "…" — "Ты кто?" — "Сержант разведроты". — "А ты?" "Лейтенант…" — "Ах, ты офицер!" — и по морде. И адъютанту: "Разбить бутыль". — "Марш в часть". — "А ты, — поляку, — домой".

Радыгин был спокойный и заботящийся об уменьшении потерь командир. Немолодой и много испытавший, он обычно мудро вел бои и не спешил с наградами, что огорчало молодых офицеров. Собственно, только поэтому в дивизии нет Героев Советского Союза. Но, увы, иногда он напивался.

Идут бои за Мариенбург. Наблюдательный пункт в доме, против которого уходящая к противнику улица. Наблюдение идет через дыру в стене шкафа, повернутого задней стенкой к окну. За полкилометра видно, как немецкие солдаты иногда перебегают улицу.

Пришел Радыгин посмотреть. С ним был снайпер, лейтенант Кочегаров. "А отсюда, можешь попасть?" — "Прикажите". — "Давай". И генерал смотрит в стереотрубу, а снайпер, прямо из окна стреляет. Выстрел, и фашист убит. Уходят довольные.

Но не дело это — стрелять из окна НП. Выстрел засечен противником. В окно летит мина, и наблюдатель ранен. Поняв, что это произойдет, я после выстрела снайпера перешел по проводу и включился в линию метрах в сорока.

Москва нам салютовала за Мариенбург, а мы не взяли в нем крепость. За это отменили все награды по дивизии. В их числе и мой "Орден Славы".

Убыл по ранению в резерв Радыгин.

Толклись в Мариенбурге чуть не две недели. И ушли, оставив

полк. Ушли на юг, километров на 80. И снова на север, другим берегом реки Вислы. Тогда только город пал.

В Мариенбурге освободили лагерь-госпиталь английских, французских, датских военнопленных. Вроде богатой гостиницы. Свои посты, кортики у старших офицеров, письма из дома, посылки Красного Креста. Видимо, вес посылок был ограничен, поэтому консервы в алюминиевых тонких баночках. Одну такую баночку я сохранил, чтобы бриться. Возил ее и после войны в турпоходах. А потом — подарил в Барнаул, в школьный музей.

Позже я мог сопоставить этот лагерь с жутким женским лагерем смерти, между Праустом и Орой. Там, справа от шоссе, за леском, был большой огороженный участок. Вытоптанный голый плац. В глубине — бараки. На двухэтажных нарах вперемешку живые и мертвые. Ходят под себя. Жуткий запах. С нижних нар ползут к ногам благодарить. А ты — пятишься. Тошнит. Их возраст неразличим. Может быть, этим скелетам старух по 18 лет. Это — еврейки из Европы.

На плацу в углу огромная яма. К ней — доски. По ним за ноги волокли в яму мертвецов. Мы ушли, оставив санитаров делать еще живым уколы глюкозы и разносить их в дома соседней деревни, где живут "добропорядочные", "ничегонезнающие" цивильные немцы.

А тут — гостиница для пленных на уровне Интуриста. Вспомнились Псковщина и Эстония. Древний принцип: "разделяй и властвуй".

Мы привыкли к прусскому благоустройству. И вдруг — "польский коридор". Нищета. В деревенских домах нет даже тарелок. Земляные полы. Из одной деревянной миски кормят и детей, и собаку. А рядом, в версте, торжественные костелы и панская спесь.

Приказали дать длинную связь к соседу. Ливень. Идем паханными полями, мокрые до нитки, едва вытаскивая сапоги. На каждом шаге из сапога — потоки воды. Тянем по азимуту. Нам тянут навстречу. Каждые — по десять километров. Провод кончился. Темно, дождь. Вдруг вдали в поле огонек. Подбежали, если можно так сказать. Это стоят встречные, у них тоже кончился провод. Но все же сошлись! Вот он — опыт войны.

Приуныли. И вдруг один солдат крикнул весело: "Хорошо-о-о!" Рассмеялись, бросили жребий, кому идти за проводом. А пока встали в цепочку и передавали разговор по цепи.

Моя обязанность при каждом перемещении дивизии ехать вперед и готовить новый узел связи и связь на НП комдива. На старом узле дежурят телефонистки. Им достается в период боев бессонный труд. А на НП дежурит телефонист, а я с лучшими

ребятами — на линии, удерживаем рвущуюся часто связь.

Идут бои в предместьях Данцига. Дачные окраины. Уже есть население, прячущееся от разрывов и грохота. Темнота пригасила бои. С НП ушли, мне, второй день не спавшему, велено "где-нибудь" отдохнуть.

Улица. У перекрестка, кажется у колонки, лежит раненый немецкий солдат. Лица нет, дышит сквозь кровавую пену. Кажется, в доме рядом есть люди, только боятся выйти. Стучу рукояткой пистолета. Говорю, чтобы перевязали раненого. Ухожу от этого места.

В темноте низкий домик, окна у земли. Здесь посплю. Стучу, молчат. Через окно вхожу в дом. Комната, на постели лежит женщина, молчит. Я молча ложусь рядом. Она говорит по-немецки: "Ты бы хотел, чтобы твоя жена была с другим?" Отвечаю по-немецки: "Не бойся. Если ты не хочешь, то я не хочу тоже". И проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь. У постели стоит столик. На нем приготовлено кофе с печеньем. И, положив локти на стол, подбородком на тыльную сторону сложенных ладоней, на меня смотрит неподвижно сидящая женщина. Ее глаза как бы спрашивают: "Кто ты?"

Начался штурм самого Данцига. Дивизией командует подполковник Мельников. Собственно, он и.о. комдива.

Это необычный человек. Профессионал войны, предельно властный, требовательный и честолюбивый. Лично смел, и властность — его постоянное естественное состояние. Но в отличие от Радыгина, он людей не бережет. И груб.

Он сделал быструю карьеру, всегда превышая сначала свои обязанности, а потом — права. Посылали его, лейтенанта, за справкой в полк, взял на себя команду отступавшими, выиграл бой. Стал п.н.ш. в полку. Потом — п.н.ш. дивизии. Сразу стал "нач. штаба де-факто", готовя решения за других. Именно он подписал акт о прорыве блокады Ленинграда, возглавлял штурмовую группу. Не случайно Жуков с Радыгиным выбрали его. Потом он долго был начальником штаба дивизии. Теперь и.о. комдива, подполковник, когда в дивизии есть полковники.

У него с собой жена. Милая, запуганная им парикмахерша Маша. После войны они жили вместе, до ее смерти от рака. Он стал генерал-полковником, командовал округом, был п.н.ш. Советской Армии, начальником академии им. Фрунзе.

Но сейчас, в Данциге, он еще только умелый, рвущийся к успеху подполковник. И командир корпуса немолодой генерал-лейтенант Поленов это учитывает. Дивизия идет на острие штурма в тяжелых уличных боях. А сзади, не слезая с машин, едет

свежая дивизия, чтобы потом хлынуть вперед.

Немцев много больше, чем нас. Но они теряют управление. В большинстве стремятся попасть в порт на корабли, чтобы вырваться из котла. На входящей в город аллее повешены на деревьях, вверх ногами, немецкие солдаты с распоротыми животами и надписью: "За измену Фюреру". Говорят, это делают заградотряды из власовцев.

Очередной НП комдива Мельникова. Чердак. Приподнят лист кровельного железа. Комдив лежит на подосланном ковре и видит бой сверху. Кричит в телефон: "Что ты засел! За спиной комдива! Нет людей? Бери всех повозочных, расформируй тылы, раздай командирам автоматы". Потом — разговор с Поленовым. "Нет людей." — "Ну, еще квартал. Ты молодец". — "Ведь есть другая". — "Им тоже будет дело. Понял. Еще два квартала!" — "Вы обещали". — "Ничего, ничего, ты еще можешь".

Мельников, обращаясь к нам: "Видите дом повыше? Поставьте мне там НП". — "Но там немцы". — "Не те немцы. Услышат, что гремят катушки, и уйдут".

Внизу, во дворе, офицер-артиллерист и солдаты расчета, оставив пушку, идут с молодой немкой в сарай. Ординарцу: "Приведи их!" Входит офицер. "Гад! — кричит Мельников, и бьет его ногой в пах. — Кровью искупите свою вину! Сейчас же орудие на руках в ту улицу. И вперед!"

Мы тоже уходим. Нас три связиста и четыре разведчика. Выбегаем из следующей парадной на улицу. Справа плюется выстрелом немецкий танк, и идущий впереди меня телефонист разлетается в клочья. Я успеваю спиной прыгнуть в подъезд. Во дворе горят сараи. Бегу через горящие угли, разматывая провод. Вот и тот дом. Разведчики, предварительно бросив гранату, ныряют в подвал, стрельба по лестницам. Кому-то отстрелило палец. И немцы, правда, ушли. Готовим НП.

В воздухе наше полное превосходство. Летает и женский полк ночной авиации. Корабли, пытающиеся выйти из порта, в большинстве топят. Уцелели те немцы, которые ушли на восток, на косу, в Кенигсбергскую группу.

Нас осталось мало, когда нас вывели из боя. От новой дивизии прибыли саперы взорвать винный склад, чтобы на нем не осели бойцы. Мы бидоном носим хорошее вино, наливаем им ванну в соседнем доме и там отдыхаем.

Город взят. Хоронят трупы. Много убитых лошадей. Группы пленных немцев за веревку с крюком тащат конские трупы в море. У одной группы конвоир молодой поляк. Хлопает себя тросточкой по голенищу и покрикивает. Видно, изображает немецкого надсмотрщика. У другой группы конвоиром наш солдат, сибиряк.

Он поставил карабин к стене и вместе с пленными тянет веревку.

Незадолго до Данцига, за Праустом, погиб старший сержант из зенитной роты, умный инженер автозавода. Он был старшим братом комдива Мельникова. Именно ему обязана зенитная рота образцовым порядком машин и трофейной техники. Его торжественно похоронили в Данциге.

Жутко положение населения в штурмуемом городе. Подвалы с лопнувшими трубами. Запуганные, растерянные люди, грубость боя.

Награждений, кажется, могут дать больше, чем нас осталось. Меня представили к ордену Красной Звезды. Вскоре его дали.

А вот у комдива огорчение. Был представлен к званию Героя Советского Союза, а дали орден Красного Знамени. Командир корпуса Поленов утешает его: "Сказали: много крови. Но тебя заметили". В приказе Сталина о взятии Данцига среди генералов впервые упомянуто такое звание: подполковник Мельников.

Радостные освобожденные пленные разных стран. Француз зовет: "Я покажу вам, где есть хорошее вино". Чех радостно улыбается. Его с грехом пополам можно понимать по-русски. Спрашиваем: "Что теперь будете делать?" Отвечает: "Возьму велосипед и поеду домой". Мы хохочем, нам, среди которых сибиряки-алтайцы, смешно, что до дома всего-то поездка на велосипеде. А нам еще надо не домой, а дальше на запад.

Собственно говоря, это три слившихся города Данциг-Цоппот-Гдыня. В Гдыне огромный порт. Где-то в нем есть склад спирта. Наша дивизия уходит на запад в направлении Штеттина. А меня с повозочным комроты оставил: "Достаньте спирт и догоните".

В Гдыне пусто, безлюдно. Глухо гремит моя телега. Вдали появляются двое солдат с посудой. Едем за ними. Справа развалины, слева на площади — машины комендатуры. Прячемся. Через проходные подвалы комендантские бойцы носят из портовых цистерн ведрами спирт. Просим отливать. Заполнили так свою бутыль.

Ночь застает нас в пути. Ни звука вокруг, ни вспышек ракет, ни выстрелов. Коротаем время беседой. "Почему все поменяли коней на крупных, трофейных, а у тебя — старый конь?" — "Да он со мной с Барнаула. Хороший жрет мало". Конь, правда, хорош, только любит, чтобы его понукали криком: "У-у, жид!" И я кричу: "У-у, жид!" Потом мы поем. Мертвая тишь кругом. Далеко ушел фронт.

Рассвет, вдали в поле точки. Олени! Стреляю из карабина. Попал. Въезжаем в пустое большое село. Во втором дворе дома оставили коня, заложили двери и жарим оленину. Уныло быть в пустом селе. К вечеру догнали своих.

Примерно 13–15 апреля стоим в имении командующего немецкой танковой армией барона Фон Клейста. Старинный особняк. В левом крыле живет профессор, обучавший сына. Говорит на многих языках, в том числе на русском. Хозяев нет. У профессора библиотека, кабинет, купальня…

А вокруг — этакий "совхоз". Бетонные скотные дворы. Над стойлами сильные электролампы… Опять вспоминаю выжженную Псковщину. Хорошо, что с пожилыми казахами уже отправили в Россию стадо брошенных коров. Говорят, что их будут давать по партизанским распискам.

На верхнем этаже сорвал марки из старой коллекции. Есть редкие. Есть почти все номера собственно Германии. Но дочка этим не увлеклась, и я отдал марки коллекционерам.

Потом опять чей-то еще более богатый особняк. Карты поместья на батистовой кальке, фотоальбомы поездки хозяина на его бриллиантовые прииски в Африке. В сейфе коллекция старых монет. В вестибюле рога, с надписями кем и когда убит олень. Всё вельможи. Огромная столовая, вроде церкви. В ней старина. На высоченных окнах истлевшие шестиметровые кружева занавесей. Буфет величиной с орган. В его нише стоит блюдо из серебра с куполом, которым можно накрыть огромного жареного кабана. На серебре купола корона и надпись от кого, кому, когда даровано. Феодализм трофейщиков многих войн.

Готовится форсирование Одера. Но мы чуть в стороне от главного места форсирования, оно южнее. А мы переправляемся по разбитым мостам через широкие протоки Одера в сам Штеттин. Один полк уходит драться за острова Шпалер-Войдер.

Город почти пуст и мало разрушен. Напоминает Петроградскую сторону Ленинграда плюс порт.

Стоим здесь несколько дней, едим на дорогом фарфоре. Посуду не моем, а бросаем в окно. На следующую еду берем из другого буфета. Зачем это?

Город отдают полякам. Пришли их части. Редким оставшимся немцам приказано покинуть город. Их буквально единицы. На заставе у моста польский часовой смотрит на детскую коляску, в которой старый немец везет свой скарб, и с хохотом поддает ее ногой. Зачем это? Месть? Но в конкретном виде она нелепа! И что знает часовой об этом человеке?

Город Анклам. Бой кончился. Разбитый большой магазин. В витрине, не замечая где он, спиной ко всему барахлу стоит молоденький солдат, усталый, в обмотках, и задумчиво ест из ладони леденцы. Моральный солдатский итог войны — презрение к барахлу, роскоши, комфорту. А заодно — и понимание бренности славы. И высочайшая оценка дружбы и коллективных

усилий.

Именно война закрепила во мне ироническое отношение даже к творческому честолюбию.

Часть 5. Первые дни среди немцев без боев

Фронт катился вперед, и вдруг нет боев. К вечеру 29 апреля приходит приказ каждому, возможно быстрее, двигаться вперед. Еду на велосипеде. Ночую в случайном доме. На рассвете 30 апреля — дальше. Горит электричество. Рассвело. Женщины катят коляски с детьми. Останавливаемся в предместьях Грейфсвальда.

Только в 60-е годы я прочел о полковнике Петерсхагене, отказавшемся подчиняться Гитлеру и добровольно сдавшем Грейфсвальд, чтобы спасти университетский город.

Узел связи остановился в доме, где живут две сестры — немки. Они пекут нам на 1 мая пирог. Алевтина злится, что я танцую с немкой. А немка эта ночью приходит ко мне на чердак. Высокая, в белом свитере работница с окраины Грейфсвальда. Оставил ей на память велосипед, взятый в магазине Анклама. Когда уезжал, она махала издали. Как бы она вела себя, если бы мы были пленные?

Говорят, что пехотинцы пробовали вечером плыть к острову Рюген, но их обстреляли. А ночью, якобы, была весть, что гарнизон острова намерен капитулировать. "Кто хочет проверить?"

Есть первомайские пироги мне не пришлось. Нас, едущих на остров, собралось человек 40, из разных батальонов. Рассвет 1 мая. На дороге группа офицеров каждому отдельно дает задание. Нас, телефонистов из батальона связи, двое — сержант Петька Богданов (футболист из Тулы) и я. Нам поручено, если не будет боя, возможно быстрее продвигаться в столицу острова город Берген-ам-Рюген и прозвонить подводный кабель на материк, а также связь между городами Берген и Путбус, в последний из которых должна прибыть дивизия. Свои задания получили представители саперов и квартирьеры других частей. Мы сели в два грузовика и уехали.

У берега, куда мы подъехали, нас ждала крупная рыбачья парусная лодка. Ею управлял немецкий рыбак. Сзади были привязаны три обычные весельные лодки. Так утром 1 мая мы переплыли на Рюген.

По нам не стреляли. Невдалеке от берега на хуторе мы с Богдановым взяли велосипеды, а радисты — бричку. Когда продвинулись еще немного, то в более крупном поселке Дригге обнаружили легковой автомобиль, старый "Мерседес-Бенц". Велели хозяину вывести машину. Петр сел за руль. Возле дома,

где мы взяли автомобиль, была высокая черная железная труба, а проселок, по которому мы подъехали от берега, упирался в этот дом. Перед ним поперек шла более широкая дорога. По ней мы уехали направо.

За поселком дорога пошла полем, поворачивая широкой дугой влево, на север. В середине поля мы увидели, что по дороге навстречу нам идет строем рота или большой взвод немецких солдат. Мы остановились, и я пошел от машины вперед говорить с ними. После четырех лет войны эта встреча была напряженной. Но в нас было чувство уже состоявшейся победы, а что могли думать они? Они остолбенело смотрели на меня. Немецкий язык я почти совсем не знаю, хотя мы учили его в школе. Моих знаний хватило, чтобы спросить: "Wer ist Chef diesen Kommanden?" Вперед вышел офицер и быстро заговорил. Из его слов я понял только, что он Oberleutenant. Я спросил: "Haben Sie Gewehr?" Он ответил: "Bestimmt". Винтовки были только у 3–4 солдат. Я жестами показал им, чтобы они сняли винтовки и сломали о дорогу. Они радостно это проделали. Потом они бросили нам в машину свои пистолеты. А автоматы кучкой сложили у дороги. Я сказал, чтобы они шли в тот поселок (где мы взяли машину) и оставались там, пока прибудет русский комендант.

Рванувшись вперед, мы въехали в лес и вскоре нагнали трактор с прицепленной платформой. Два немецких солдата в промасленной одежде везли бочки с горючим и маслами. Они заправили нам машину, и я сказал, чтобы они ехали в свой автобатальон и ждали прибытия русского коменданта.

Проехали еще немного. У дороги на траве сидели двое русских пленных. На шинелях, на спине у плеча, желтые буквы SU. В плену они давно. Даже не видели погон. Были отданы помещику в батраки и собственно потому выжили. Мы посадили их в машину и, свернув по неширокой аллее влево, подъехали к поместью. Справа от въезда, на крыльцо дома вышел помещик — крупный немолодой мужчина в шляпе с пером. На него работало 22 пленных, большинство — поляки. Я вошел в дом, сел за большой письменный стол и предложил хозяину сесть. Велел сдать оружие. Оружия оказался целый шкаф: боевая винтовка, малокалиберная, несколько охотничьих ружей, полка с патронами, в столе — именной пистолет "вальтер". Оружие мы раздали пленным, а сами уехали вперед.

Когда, теперь уже по асфальтовому шоссе, мы, проехав по пути город Гарц, приблизились к городу Берген, то увидели, что перед въездом в город на середине перекрестка стоит, совсем один, офицер в парадной форме. Это был высланный встречать советские войска парламентер. Остановились. Он стал говорить

по-немецки не слишком быстро, доложил нам о численности гарнизона, наличии четырех госпиталей, сказал (если я его верно понял), что он — врач, и закончил вопросом: не нужна ли нам медицинская помощь? Ответив: "Спасибо, нет", — мы поехали в сам город.

Здесь нас ждала неожиданность. Сразу от первых домов города стояли жители двумя сплошными рядами, образуя коридор для проезда машины. (Так сейчас встречают высокопоставленных гостей страны.) Коридор этот подымался в гору и заворачивал направо к площади перед ратушей.

Там, где был поворот, слева от машины я увидел в толпе плачущего старого мужчину, который прислонился к плечу высокого мальчика-гимназиста, одетого в форму фольксштурма. Я вышел из машины и спросил, что случилось. Старик ответил мне: "Вы его убьете". Я взглянул на мальчика. Видимо, юношеская честь не позволила ему снять форму последней гитлеровской мобилизации, и этот отказ заставил деда бояться за его жизнь. Сам я, ленинградский студент, всю войну мечтал вернуться и кончить учебу. И я подумал тогда: насколько люди не понимают, что происходит. Рушится фашизм, этот мальчик вместо бессмысленной гибели будет теперь учиться. А его умудренный годами дедушка этого не видит и плачет.

На площади у ратуши, слева от машины, нас встретила группа официальных лиц. Вряд ли мой вид был представительным. Поверх летней формы на мне был кожаный пиджак с погонами старшего сержанта. Все же они могли предполагать, что я — парламентер и что у меня есть полномочия принять город. Но я решительно от этого отказался, сказав, что я не комендант, и что я должен идти на почтамт, и спросил, где почтамт. Из их группы вышел средних лет человек, которого мне представили как инженера почтамта.

Почтамт был невдалеке напротив. Мы вошли в массивную дверь служебного входа в правой части фасада дома и по лестнице поднялись на второй этаж. В коммутаторном зале, спиной к окнам на площадь, сидели две испуганные телефонистки. Вся связь работала. Я попросил вызвать материк, и мне по-русски ответила комендатура города Грейфсвальда. Первая часть задания была выполнена. После этого мой товарищ поехал в Путбус, а я остался ждать его звонка. При этом я, усталый, лег у окон на сдвинутых стульях, подстелив штору и демонстративно положив на стул у лица свой пистолет.

К вечеру начали прибывать квартирьеры других частей нашей дивизии. Видимо, отдельные группы еще и еще вели переправу.

Нам надо было принять линии на материк и на Путбус для

военной связи, а коммутатора еще не было. По совету инженера утром 2 мая я поехал на местной грузовой машине в Тильцов, где, как он сказал, можно достать коммутатор. Приехал в Тильцов. Широкое асфальтовое шоссе упиралось в ограду зеленого парка и обрывалось. За оградой справа стоял одноэтажный белый дом. Ко мне вышел человек и торжественно протянул мне на ладони плоский ключ со словами: "Это ключ для всех дверей". Я сначала его не понял. Оказывается, в парке, в бункерах был огромный склад военного имущества немецкого военно-морского флота. Потом полковники из Балтфлота больше недели вели его опись, а мы выклянчивали у них генератор для дивизии. Но тогда я отказался принять ключ. Вместо этого я просто, обрубив провода, снял в доме за оградой коммутатор охраны склада.

Не я один (может быть, не так рано и остро) пережил на Рюгене это ощущение — быть среди только что прекративших сопротивление врагов. Радистка Мальвина Быцан (теперь — Волченкова, учительница в Горьком) рассказала мне, как она, дрожа, ехала 3 мая вдвоем с бойцом через весь остров в город Путбус на телеге немецкого крестьянина, который дрожал еще больше нее. Она не знала, что в это время Петька Богданов уже два дня как пребывал в Путбусе.

Были ли потери на Рюгене? Шоссе от взорванного моста из Штральзунда оказалось минированным. В Заснице пытались грузиться и уходить в Швецию некоторые суда, что было пресечено силой. Вскоре (к 7 мая) весь наш 108-й корпус был на острове. Но упоминание в книге Борщева "От Невы до Эльбы", что остров был взят "штурмом", неверно. Правдивое описание можно найти в книге Ляшенко "Годы в шинели" (ч.3). Там сказано, что капитуляция гарнизона оформлялась с 3 по 5 мая. Значит, с 1 мая мы жили на острове среди официально еще не капитулировавшего противника.

Днем 2 мая, в Бергене, мы выбрали подвал, куда, пока на телефоны, приняли взятые линии. Вблизи города есть где-то лагерь русских перемещенных лиц. По улице идет оборванный ребенок из этого лагеря. Стучусь в дом напротив. "У вас есть дети?" — "Да". — "Оденьте этого ребенка". Одевают.

Потом пошел в этот же дом. "Вы можете сварить мне еду? У меня с собой курица". — "Подымитесь наверх". На втором этаже в мансарде живет симпатичная молодая женщина с 3–4 месячным ребенком. Беженка из Берлина. "Как вас зовут?" — "Лени". Она взялась сварить обед.

Ее полное имя Елена-Тамара Барлебен. Отец немец, мать армянка. Она года на три старше меня. Родилась на Кавказе, где отец работал по контракту. Из Берлина попала в Бреслау, потом

— на Рюген. Муж был владельцем магазина, сына зовут Иоахим.

Принесенная мною кура подана в фарфоровой вазе. Обедаем вдвоем. Пришел я сюда есть и назавтра и остался ночевать. Мне 25 лет, и мне впервые так хорошо с женщиной.

Дивизия прибыла, и её штаб разместился в Путбусе.

В Путбусе есть небольшой дворец. Батальон расположился в нем, среди обстановки, напоминающей ленинградский Эрмитаж. Здесь встретили 9 мая! День Победы!

Мы на радостях выпили. Пришел взвод части по охране памятников искусства, и нас из дворца выгнали. И правильно сделали.

Радист Наводный хотел изготовить водонапорный бак из бочки от бензина. Стал приваривать трубку, взрыв, и он умирает на руках служившей с ним жены. И это в первые дни после войны.

Лени, толкая коляску, пришла в Путбус, чтобы меня найти, и со смехом сказала: "Если у тебя будет другая, я тебе глаза выцарапаю".

Ночью еду на велосипеде к ней в Берген. Сумерки. Впереди выстрелы, топот. Подъезжаю. На дороге убитые, и рядом наш посыльный с верховой лошадью. Говорит: "Здесь какие-то двое, когда патруль спросил документы, убили двух патрульных. А тут я на лошади. Они побежали с дороги, а я их с коня, из автомата, обоих".

Вокруг много брошенных поместий. Бродит скот, у коров из вымени течет молоко с кровью. Распахнуты амбары. Послали и меня собирать этот скот для снабжения войск и населения. Из лагеря перемещенных лиц (нам говорят, что это — семьи власовцев) пригласили женщин раздаивать коров… Сколько сложностей в людских судьбах.

Пришел приказ немецким беженцам возвращаться по домам. Лени выкопала в саду свой узелок и на прощанье надела мне золотое кольцо и подарила фотоаппарат "Цейс-Икон". Им я снял фронтовых друзей. Кадрики 4,5х6.

Я дал Лени на дорогу манной крупы для ее ребенка и свиной окорок, который она тут же с немецкой аккуратностью превратила в консервы.

Вторая половина июня 1945 года. Мы уходим с острова и движемся дальше на запад. Еще в городе Тетеров демобилизовались наши девушки и солдаты самых старших возрастов.

Среди уезжающих наш повозочный Изосимыч. Был председателем колхоза в Сибири. Он — поразительный плотник. Раз саперы построили хорошие землянки штабу в лесу. Пригласили Изосимыча вытесать генералу Радыгину дверь. Доска

из-под топора идет полированная. Генерал стоит рядом. Спрашивает: "Ну как, председатель, нравится командный пункт?" — "Грязно только". — "А у тебя в колхозе чище было?" — "Я убирать приказывал". Замолчали. Только топор послушно режет дерево.

Демобилизуясь, Изосимыч везет домой набор ручек, петель и прочей скобянки на дом, сбрую для лошади и несколько листов кожи на сапоги.

И нам домой хочется.

Привезли несколько бочек пива. Лейтенант, грузин, поставил в комнате бочку на табурет. Под потолком растянул проволоку и развесил яблоки. Лежит на полу, на ковре, и через шланг попивает пиво. "Хочу, — говорит, — домой. В сад".

Начинаем принимать от англичан часть провинции Мекленбург в связи с выравниванием границы по Эльбе. Выглядит это так. В очередном городе объявляется (в середине дня) комендантский час. Гражданским запрещено (на два часа) выходить на улицу. Английские войска уходят, остается их комендант с группой охраны. Они все сидят в машине. Въезжает пара наших машин: комендантская и наша (готовить связь). Останавливаются рядом с той машиной. Берут под козырек. Их комендант упоминает о числе задержанных, сидящих под арестом. И их машина уезжает. Город передан.

Последние дни июня. Город Пархим. Въехали. Еще не кончился комендантский час, пусто. Но у столба с объявлениями стоит кудрявая девушка. Спрашиваю у нее, где можно сварить еду. Говорит, пойдемте к нам.

Бедная квартирка в мансарде. Исхудавшая мать. Пытаюсь их развеселить, ставлю пластинку и танцую с девушкой. Вдруг мать начинает рыдать. Отсылает девушку на кухню и рассказывает мне.

"Муж был евреем. Его угнали в трудовой лагерь, и он пропал. Дочери запретили учиться. Она могла только при аэродроме работать свинаркой. Пошла на улицу в комендантский час потому, что не считает себя человеком. Вот я смотрела, когда танцевали, и сравнивала. Они сделали страшное: убили в ней интеллект…"

Узел связи в Пархиме делаем на новой улице, где стоят коттеджи среднего фашистского чиновничества. Хозяева дома ушли к соседям. Вещи из комнаты, где будет станция, выбрасываем в сад, в окно.

Солдат кричит: "Смотрите!" Семейный фотоальбом. Сын. Потом он же, в военной форме, у виселицы. На повешенном доска "Партизан", а сбоку дорожный указатель на Грузино.

Когда старик хозяин пришел за вещами, солдат ударил его по лицу зонтом и сунул в нос фото. "Оставьте его", — сказал я. Записал на обороте снимка адрес этого дома и отправил карточку особистам в СМЕРШ.

Будут ли они этим заниматься? У них достаточно более серьезных задержанных. Смешно видеть крупных фашистов в штатском, бредущих за этим отделом и чистящих на стоянках картошку.

В Пархиме принимаем от союзников освобожденных ими наших пленных. Въезжает большая колонна "Студебеккеров". Над машинами на кумаче плакат: "Здравствуй, Родина!" Вылезают. Шоферы сразу уезжают. Мы из домов одной улочки прогнали жителей, на полах расстелили солому. В больших котлах варим суп. Нам надо один раз накормить эту толпу. Завтра они уезжают в лагерь проверки, а мы принимает следующих. В тысячной толпе пленных вспыхивают драки. Понять трудно. Один кричит: "Он власовец". Другой: "Он сам меня мучил, хочет убить свидетеля". Разнимаем автоматами.

После лагерей проверки часть из них попадает сразу в наши войска. Попавший в мой взвод боец рассказывает, что выжил в плену потому, что попал на работы по разборке завалов после бомбежек немецких городов. "Мы в развалинах наложим в ведро масла, а сверху — картофельных очисток, и идем в лагерь. Часовой заглянет в ведро и скажет: "У-у, руссише швейне…" А как американцы пришли, я взял автомат и пошел по домам убивать тех, кто нас мучил. Я город хорошо знал… Тут меня привели к американскому коменданту. "Ты, — говорят, — ходишь людей убиваешь?" — "Я тех, кто нас мучил в лагере. Зол на них". А он мне: "Ну ладно, еще четырех убей и хватит". А потом взяли в их часть. Я шел с ними и до американца в дома заходил, проверить нет ли засады или мин. Они сами-то очень берегутся. Так и шли на восток".

Наш комбат Саитов из каждой группы пленных оставлял на несколько дней хороших сапожников и портных. Они всем подогнали обмундирование. А один пожилой сапожник-виртуоз так и остался у нас, он шил модные туфли для жен начальства, а потом демобилизовался.

Город Хагенов. Остановились в здании суда. Спим на двухэтажных казарменных койках. Бумаги выкинули в окно, в канаву за домом. Утром там шум, драка. Оказывается, мы выбросили папки с документами окрестных крестьян на право пользования землей. Идет драка. То ли выхватывают папки в поиске своих бумаг, то ли решают спорные вопросы размежевания участников.

Разговорился с одноруким немцем. Танкист, руку потерял под Моздоком. Говорит: "Война — высшая проверка сил нации. Значит, русские выше немцев". Он еще в плену геббельсовской пропаганды.

Освобожденный из лагеря немецкий интеллигент играет со мной в шахматы. Проигрывает и вдруг плачет. "Я, — говорит, — хорошо знаю игру, много лучше вас. Но я слишком изголодался".

Мебельный магазин в двухэтажном доме. Внизу, даже в витринах, на соломе вповалку беженцы. Есть с грудными детьми. На втором этаже в шестикомнатной квартире живут всего два человека — пожилой хозяин с женой. И никого не пускают к себе. Расселяю под угрозой пистолета.

Стадион. На беговой дорожке с секундомером в руках разминается немецкая спортсменка. Шиповки, старт, рывок, бег, рывок. Потом прыжки, копье. Поразительно уважение, с которым на нее смотрят солдаты.

Будет игра в футбол с англичанами. А на поле стадиона картофельный огород. "Чтобы к утру было готово!"

Мы расставили столбы и дали свет. Пехотинцы всю ночь равняют поле и где-то готовят дерн. Саперы ведут его укладку. К утру мы вынули столбы. Стадион готов.

Как сыграли не помню, уже спал.

Город Виттенбург. Совсем целый. Вхожу на АТС, требую чертежи линий. "Нет, увезли американцы". Вынимаю пистолет. "Найдите копию или чертите". Схема появляется. Развернули связь. Линию на левый фланг дали в город Бойценбург. Там, на мосту через Эльбу, я поставил телефон к союзникам. Их офицер пожал руку нашему, я — их солдату.

Наши снабженцы расположились недалеко от города в поместье, брошенном хозяевами. Там надо прополоть гряды. Велено молодым немкам явиться к ратуше. Боятся подвоха, но пришли. В брюках, с тяпками. Дрожат. Подкатили подводы. Веселый лейтенант Валентин говорит им в поле: "Вы не слишком старайтесь. Сделайте перерыв, зарежьте барана и поешьте". Назавтра в городе стало веселее. Улыбки. На Валентина показывают друг другу на улице.

Я, кроме военного узла связи, заведую гражданским. Он обслуживает и комендатуру города. Не думал раньше, что на нашего коменданта свалятся проблемы снабжения населения, детских болезней, устройства беженцев. Комендантом был начхим майор Погребнов, теперь он доктор геолого-минералогических наук, директор исследовательского института в Ростове-на-Дону.

А молодость живет по своим законам. Уже танцуют. В

купальне, на пляже у пруда, хохот. Немецкие телефонистки рассказывают. Сначала пришли американцы. Боев не было. Но они отнимали обручальные кольца, вывозили хорошую мебель, в купальне приставали. Их сменили англичане. Они велели встречным немцам сходить с тротуара, уступая дорогу. Купальня была пять дней для англичан, два — для немцев. А у вас все просто. Только почему вы едите из поместья, а не везете еду из России?

Показать бы им, сытым, разоренную Россию.

Есть и другие проблемы. В чистеньком, с кафельным полом, дворе почты стоит служебный автобус почты. В нем повадилась ночевать какая-то немка и просит солдат, если хотят, приходить к ней. Видимо, нимфоманка. Пресек я это, боюсь заразы.

А наш начальник штаба батальона капитан Фокин женится на девушке из взвода армейской цензуры. Приехали целым автобусом ее подружки, все, как и она, младшие лейтенанты. Шумную свадьбу устроили в помещении магазинного зала.

Недавно умер наш замполит, и прибывший на его место присвоил вещи умершего. На свадьбе встал старший лейтенант Винер и, обращаясь к нему, сказал: "Пью за то, чтобы вы поняли, что вы мерзавец, и убрались от нас". Замполит Капустин: "Винер, прекратите". — "А ты, ленивая свинья, заткнись. Он, как и я, еврей, и мою нацию позорит. Его надо проучить".

Винер — командир лучшего линейного взвода. У него самые надежные и самые награжденные солдаты батальона.

А Капустин — неудачный замполит. Тогда разбил машину. Чтобы замазать дело, ездил с группой солдат (я в ней был) в город Эльбинг, в соседнюю армию, угнать трофейную машину. И там вел себя гнусно. Но машину мы достали.

После свадьбы не могли найти одну из подружек невесты. Она перепилась, проснулась в комнате незнакомого офицера и со слезами ушла одна по шоссе. Догнали на мотоцикле, успокоили.

Впрочем, на какой свадьбе не бывает шума.

Для занятий сделал стенд: развернул на щите детали телефона и обозначил цепи разноцветными проводами. Монтаж просил пропаять немца, старого монтера АТС. Работает аккуратно, каждая капля пайки точно одной формы. Ездил с ним на порыв проводов. Он едет медленно, на велосипеде с низким седлом и высоким рулем. Медленно приподнимает шляпу, кланяется встречным крестьянам. У столба, где обрыв провода, ставит велосипед, соединяет обрыв, достает завтрак, ест, аккуратно сворачивает и прячет обертку от завтрака, достает маленький горн, разогревает его, проваривает сросток. И снова медленно едет велосипед, и медленно приподнимается с

поклонами шляпа.

Спросил его: "Почему молодые не умеют так работать?" Он сморщил брезгливо лицо: "Чему их учили? Кричать "хайль Гитлер" и носиться на мотоциклах". Тщательность работы этих пожилых немцев воспринимается как урок. Потребовалось пробить стену, чтобы соединить проводами военную станцию с гражданской АТС. Я вызвал "баумайстера". Он пришел, разостлал сыроватую подстилку. Не пыля, пробил стену, продернул провод, замазал отверстие, достал краски, подобрал цвет и восстановил узор стены, подмел, натер, тоже в цвет, участок пола и сел писать счет. Счет был на двух листках: на одном сколько минут по какому разряду проведена работа, а на втором — сколько минут какой инструмент был в работе: молоток, кисть и т. п. (с их арендной платой) и сколько ушло асбеста и краски. Все это обошлось в 2 марки 85 пфеннигов, по нашему 1 р. 43 коп. Я их охотно заплатил из личных денег.

В городе с населением в несколько тысяч всего два человека с высшим образованием: пастор (знаменитый на всю страну) и инженер железнодорожного вокзала. Всеми работами руководят мастера со средним специальным образованием.

В домах почти нет книг. В газете военных лет один корреспондент писал, что на вопрос, почему в ваших домах мало книг, немецкий интеллигент ответил: "При Гитлере нас заставили сжечь все книги, где нет слова Гитлер, а теперь мы сожгли все книги, где есть слово Гитлер. Остался один Гете".

А были и совсем другие немцы. Коммерсанты. На побережье, кажется, недалеко от Штеттина, задержали человека, чинившего мотор яхты. Его фамилия — Герд, инженер-дизельщик, владелец авторемонтной мастерской на границе Германии и Франции, говорит, что он — полуфранцуз.

Он виртуозно и быстро умел чинить автомобили любых марок. Быстро стал незаменим и ездил со штабом дивизии, получил пропуск.

Но одновременно он непрерывно занят бизнесом. Прибежал: "Заступитесь, меня побили." — "В чем дело?" — "Понимаете, вы режете для еды скот. Зачем пропадать шкурам? Я все оборудовал для выделки. Нет хорошего бака. И я попросил их продать. Я давал хорошую цену. (Он хотел купить у наших солдат походную кухню.) А они…" И он показывает, как дают по морде…

Но этот оборотистый человек богател на глазах. В каждом городе Пархиме, Хагенове, Виттенбурге — он праздновал новую "свадьбу", приглашал нас и радостно подмигивал. В Виттенбурге он уже, кажется, и контрабандой не брезговал… В конце концов был изгнан особистами из зоны дивизии.

Пришел ко мне инженер — начальник вокзала: "Говорят, что уволят с государственной службы всех, кто был в фашистской партии. Я старый, всю жизнь здесь. В 1938 году сказали, что уволят, если не вступлю…" Утешаю его, говорю работайте. Не слушайте слухов. Успокоился.

Спрашивает: "Почему моих железнодорожных телефонистов не пускают на последний километр к границе, к Эльбе, починить провода? А с той стороны они восстановлены." — "А откуда вы это знаете? Ведь поезда еще не ходят?" — "А я говорил по телефону с Гамбургом через Бойценбург". — "По какой линии?"

Он побледнел, поняв, что проговорился о чем-то, нам неизвестном. "Понимаете, вдоль железной дороги Берлин-Гамбург недавно был зарыт кабель на 107 пар. Он цел. Две пары в распоряжении железной дороги. Одна — прямая, на другой — телефоны у начальников вокзалов".

Доложил я это, и еду в Бойценбург. Вхожу, вынимаю пистолет, обращаюсь к начальнику вокзала: "Где телефон на Гамбург?" Дрожащий начальник открывает тумбочку стола. Внутри спрятан телефон. Снимаю трубку:

— Allo!

— Wer spricht? — говорю я.

— Hamburg.

— Rufen Sie bitte.

. .

— Danke. Kontrol.

Вешаю трубку. "Кто по этому телефону говорит?" — "Ну, знаете, приходят люди, ищут родных в той зоне…"

Доложили, аж до Жукова. По его приказу съездили к границе, выкопали этот кабель. Перерубили, засмолив концы. Составили акт. Конечно, сейчас этот кабель восстановлен как канал межгосударственной связи.

По приказу Сталина отпущены из плена больные рядовые немецкие солдаты. Человек 15–20 дошло до нас. Каждый в застиранной форме с шинелью "б. у." (бывшей в употреблении), такими же одеялом и котелком. Те, у кого здесь дом, назавтра ходят щеголями. А есть такие, чей дом близко, но не в нашей зоне. Пока нет приказа пустить их через границу, велено им устроиться на работу.

Приехали бауэры нанимать их в батраки. Проверяют — поднимет ли мешок. Израненный, унизительно слабый пленный не может. Изуверство.

Генерал-лейтенант Поленов говорит громко, без микрофона: "Приказано проверить документы у всего населения. Части пойдут цепью от западной границы. Другие — нам навстречу.

Спать цепью. Города обходить, в них войдут спецотряды. Проверять документы у каждого. Задерживать не имеющих бумаг и выходцев из России, хоть с прошлой войны…" Он говорит, стоя на пустой деревянной трибуне стадиона. Рядом с ним сижу я с телефоном на случай, если его вызовут. Больше на трибуне никого нет. На поле стадиона выстроен весь офицерский состав 108 корпуса. Стадион охраняют пулеметные посты. Офицеры построены "на вытянутые руки разомкнись!" и сидят, по-восточному скрестив ноги. Поленов, срываясь на крик, продолжает: "И чтобы ни одна катушка ниток не пропала! Распустились! Лейтенант N! (В поле стадиона встает человек. Командир корпуса перечисляет его проступки.) Лейтенант Виноградов (в поле встает человек) изнасиловал дочь мельника. Потом на границе задержал какую-то перебежчицу, оставил при себе, она наградила его и еще двух в роте сифилисом".

В конце: "Вопросы есть?" В поле встает человек. "Докладывает капитан такой-то. Лейтенант Виноградов арестован. Стоял его однофамилец". И снова тихо.

Мне дают отпуск в Ленинград. Документы в заколотом кармане, плоский бельгийский пистолет на спине, под гимнастеркой у пояса. Поезд стучит, подъезжая к Берлину. За окнами посаженные полосами леса, квадраты противопожарных полос, выкрашенные аккуратные мостики на тропинках. Музыка: "С берез неслышен, невесом слетает желтый лист…" — вяжется с настроением, со стуком колес.

Вокзал "Штеттинербанхоф" в Берлине. Хочется посмотреть город, вместо того чтобы сидеть на станции Эркнер и ждать, пока укомплектуется за пару дней эшелон отпускников, я удираю из Эркнера смотреть Берлин.

На улице, как объявление об автобусной остановке, табличка: British Sector. Пешеходы и транспорт ее просто не замечают. Углубляюсь за нее на пару домов. Здесь нет наших патрулей, которые отправят меня в Эркнер, и я могу переночевать.

Высокий бельэтаж обычного дома. Прошусь переночевать. Охотно пускают. Муж и жена. Смотрю рейхстаг, Бранденбургские ворота, разбитые и целые кварталы, надземку S-Bahn (метро U-Bahn не видел). Прощаюсь с хозяевами. "Приезжайте на обратном пути".

Станция Эркнер, дачные домики. Скучающие отпускники играют по-крупной в очко. Какой-то врач везет домой зубоврачебное кресло, которое надо поднимать толпой или краном. Майор из Киева везет ящики с фарфором и оснастку для яхты. Хорошо, что я налегке.

Стучат платформы. Ночью в Польше по эшелону стреляют из

леса. У одного солдата срезают бритвой карман с документами и ордена, это власовцы ищут чистые бумаги. Вора заметили, били и сбросили между вагонов под колеса.

Где-то пересел на подножку скорого поезда Берлин-Москва. Привязался ремнем к поручням, чтобы, задремав, не упасть. Оставил потом шинель привязанной снаружи и долго пил кофе в вагоне-ресторане. Еще одна пересадка (кажется, в Орше), и я въезжаю в Ленинград на платформе с углем в район станции пост Фарфоровский.

Моя военная дорога замкнулась.

Отпуск сблизил нас с Майей (она — моя жена по сей день). Вернул в мир студенческой прошлой жизни. А тут — сообщение, что есть приказ о демобилизации недоучившихся студентов, не офицеров. Еду в часть за демобилизацией. Конец сентября 1945 года.

Со мной в поезде едет из отпуска солдат. Говорит, что в его избе, когда выгнали немцев, остался мешок с их деньгами. Он немного взял с собой. В Берлине выясняется, что эти деньги еще ходят. Открыт коммерческий магазин, где принимают деньги всех стран — советские, западные, польские, оккупационные марки и старые марки. В нем все дорого, но мы с ним пьем на эти деньги.

Оформил демобилизацию. На узле связи мне на прощание телефонистки-немки испекли торт.

На обратном пути в Берлине остановился у тех же хозяев. Попросил их сходить на рынок, купить мне чемодан, постельное белье и скатерть. Пошел их сосед, молодой инвалид, по профессии художник-декоратор. Принес большой чемодан (шранк-кофр) и белье, в том числе очень красивую вышитую скатерть.

Пришли двое американских солдат. Один играет на рояле, а второй, я и этот декоратор танцуем с хозяйкой и ее подругами. Странная у американцев армия. Патрульный на "Виллисе" едет по городу и из ящика торгует сигаретами. На руке водителя несколько, тоже продающихся, часов. Американец говорит мне по-немецки: "Нам еще с вами предстоит воевать".

Все разошлись. Хозяйка, ее зовут Фрида Рихтер, говорит, что родилась в 1918 году, отсюда ее имя ("Фриден" — мир). Имела двух детей-близнецов, умерли в эту войну. "Вам, русским, хорошо. Вы — свободные".

В Бресте пересадка. Толпы ждущих эшелона. У меня на этот раз груз чемодан и велосипед. Отпускники поданный (видимо, не для них) пустой эшелон берут штурмом, заваливают вещами. Комендант кричит машинисту: "Пошел, увози скорей этих бандитов". И мы уезжаем.

Едем через Минск. Пустое место, палочка с надписью "МИНСК", как писали "МИНЫ". Разбитый город где-то рядом. Вокруг палочки с надписью "МИНСК" виден только нищий вокзальный рынок.

И я дома, у заботливой мамы. Война кончилась.

Первое время не могу понять, почему вокруг никто не умирает. Мозг упорно перебирает варианты: "Если этот умрет, надо то-то поручить тому-то…" Это прошло у меня только года через два. Я думаю, что пришел с фронта слегка ненормальным.

Может быть, поэтому память меньше сохранила то, что было в войне повседневностью: ненависть к фашизму, тяжесть существования в невозможных условиях, потрясения тяжелых боев, привычку носиться среди разрывов, связывая провода. Зато остались в памяти люди. Много людей. В большинстве хорошие. (Плохие помнятся как досадное исключение.) Помнятся хорошие, очень хорошие.

От их имени я живу.